

Сергей ТАТУР

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Фантастическая повесть

*Опубликовано в журнале:
«Звезда Востока» 2011, №1,2,3/4, 2012, №1*

ГЛАВА I

Петр Иванович Талдыкин проснулся ранним утром. Дважды он просыпался среди ночи после снов очень интересных, волнительных, оставивших в памяти яркую, но быстро погасшую феерию. А теперь пора было вставать, пора было принимать на себя заботы и хлопоты нового дня и окунаться в них. «Наезженная колея!» – подумал он обыденно, без интереса. И то правда, ничего непредсказуемого жизнь не готовила ему и не сулила ни в дне сегодняшнем, ни в дне завтрашнем. Это, наверное, и было хорошо. Поежился от прохлады, – он спал с открытым окном, а ночью прохладный воздух двигался к долине от снежных гор и от цепи водохранилищ, на которые река Чирчик была поделена добрым десятком перегородивших ее плотин. Он оделся, не беспокоя жену Веру Андреевну, которая просыпалась на полтора часа позже. Петр Иванович тихо вышел из спальни. У супругов издавна было принято заботиться друг о друге и уважать привычки друг друга.

У двери в ванную Петра Ивановича поджидал робот Джонни. Ростом и внешностью, включая лицо и одежду, а также поведением он ничем не отличался от человека, а главное свое отличие никогда не выпячивал: его знания и умения превосходили человеческие, но задаваться и зазнаваться не входило в его обязанности. В сне и отдыхе он не нуждался. И дом Талдыкиных с десятью комнатами блестел чистотой и ухоженностью. То же самое можно было сказать о саде, хотя большая часть этих забот лежала на Петре Ивановиче. Джон был роботом в десятом поколении. Людям присуща наследственность, и поэтому из поколения в поколение могут повторяться некоторые

черты характера или внешности их отцов, матерей, дедов, бабушек и т.д. Роботы же – это все-таки машины, поэтому каждое новое их поколение вбирает в себя сотни разнообразных задумок, выдержавших самые тщательные проверки. Ведь их совершенствование в технологическом отношении двигалось вперед десятичными шагами.

– Петя, здравствуй! Надеюсь, ты славно почивал и встал с правой ноги? – Джон по-братски похлопал хозяина дома по плечу.

– Привет, Джонни! Подскажи, какой сегодня день?

– Среда у нас сегодня, Петя. Пятнадцатое мая, две тысячи сто десятый год от рождения Христова, время – шесть тридцать. На дворе плюс шестнадцать, а днем будет тридцать градусов. Облака наплывут, но без дождика. Так что грозы, которой тебе так хочется, не будет. Знаю, что ты приветствовал бы грозу: «Ба-ба-ба-ба-бах!» – Джон точно проимитировал раскаты грома и только всплеском молний их не сопроводил. – Что еще тебя интересует, дружище?

– Что в мире?

– Без катаклизмов. Тишина и покой на всех материках. Благоденствие, одним словом. Землю, слава Создателю, нигде не трясло, самолеты не падали и поезда с рельсов не сходили. Но тайфуны потрепали Индонезийский архипелаг и полуостров Индокитай. Пропали без вести пять рыбаков и три путешественника-яхтсмена. Они не прореагировали на предупреждение об опасности. За минувшие сутки своей смертью ушло из жизни 157 тысяч человек, от бытовых разборок, несчастных случаев и пожаров погибло 442 человека. Твои знакомые и близкие среди этих несчастных не числятся. Нужна еще какая-нибудь информация?

– Все ясно, Джонни. Спасибо! Паша встал?

– Как и ты, минута в минуту. На турнике подтянулся шестнадцать раз, сейчас гантелями размахивает. Петя, Паша – точная твоя копия, плоть и кровь твоя. – Джон деликатно умолчал о том, что кое-какие свои не самые худшие черты характера Павел перенял и от матери.

– За это я его и люблю!

– Что тебе приготовить на завтрак?

– Как обычно. – Петр Иванович гурманом не был, и Джон, как ни старался, не мог привить ему привычку к пище изысканной, приготовленной тщательно и по специальным рецептам, с массой экзотических специй. Зато Вере Андреевне доставляло удовольствие

обсуждать с Джоном тонкости кулинарии. Она словно чувствовала вкус и аромат обсуждаемых блюд и любила сопоставлять один кулинарный изыск с другим, чтобы определить, какой из них «самый-самый».

Петр Иванович привел себя в порядок, затем спустился в подвал, где размещалась отопительная система дома, а также небольшая сауна и узкий бассейн длиной в двадцать пять и шириной в два с половиной метра. Он нырнул в воду приятной температуры, проплыл туда и обратно: достаточно, ведь впереди футбол. Быть в хорошей физической форме надлежало каждому, и в семье Талдыкиных за этим ненавязчиво следил робот Джон. Средняя продолжительность жизни землян приближалась к ста пятидесяти годам и постоянно увеличивалась.

Завтракали отец и сын вдвоем, завтрак был из разряда самых обычных – жареная картошка, политая сверху яйцом, присыпанная мелко нарезанным укропом и зеленым луком. Еще каждому предназначалась пара долек чеснока, пара мандаринов, горсть миндаля и горсть кишмиша. Чайник зеленого чая томился под красочным шерстяным колпаком, – чтобы не остывал. Джон был кладезем по части информации обо всем на свете, в том числе и по части событий произошедших совсем недавно, интересных широкой общественности. Он отвечал на любые вопросы подробнее и обстоятельнее, чем энциклопедический словарь. Джон был так запрограммирован, что прекрасно угадывал, когда и каким образом ему следует поддержать разговор, а когда – переключиться с щекотливой темы на другую, всех устраивающую или – просто промолчать.

– Что нового, Паша? – спросил Петр Иванович.

– Все как всегда, ты ведь в курсе. На заводе тебя ждут после обеда. – Петр Иванович собирался посетить сборочный и другие цеха огромного предприятия, производящего роботов, а потом написать об увиденном для Интернета.

Оба ели без спешки, не задерживая внимания на вкусовых достоинствах зав-трака. Хотя Джон, как всегда, постарался: картошечка была подрумянена так, что хрустела, но мягкость свою сохраняла, а зеленый лучок, мелко нарезанный, оттенял ее своей горечью. Крепкий чай благоухал ароматами далеких тропиков.

– А ты, Джонни, какими известиями нас порадуешь? – спросил Петр Иванович робота.

– Смотрите и радуйтесь! – сказал Джон. Он засветил экран, занимавший простенок между двумя окнами и начал транслировать

красочные картинки земного благополучия со всех уголков планеты: Земля благоденствовала, тучные нивы на всех пяти обитаемых материках обещали богатый урожай. На фермах паслись коровы. Ветви в южных садах начинали наклоняться к земле под тяжестью плодов, наливающихся соками. По полям сновала техника, которой управляли чаще роботы, нежели люди. И на фермах делами заправляли чаще роботы (особенно когда речь шла об удалении навоза и доставке его на поля). Далее были показаны: фабричные цеха со своими новинками – одеждой и обувью для летнего сезона; книги, напоминающие толстые общие тетради – их страницы, пока еще белые, мгновенно заполнялись любимыми произведениями по желанию хозяина, стоило только подключить их к Интернету. Прочитанное стиралось с книг так же легко, как и появлялось. И получалось, что одна такая книжечка могла заменить собой целую библиотеку.

Продолжая следить за экраном, они видели, что в заводских цехах и за прилавками магазинов людей было мало. Добыча угля и руды, выплавка стали, цветных металлов, масштабные строительные работы, уборка дворов и улиц, вывоз и утилизация мусора велась роботами. Люди мало интересовались этими отраслями народного хозяйства. Роботы также управляли автомобилями, самолетами и вертолетами. Поэтому, согласно статистике, давно был исключен из разряда «дорожные происшествия» человеческий фактор, всегда пугавший своей непредсказуемостью. Вот в проектных бюро, в исследовательских институтах и лабораториях людей было побольше, хотя по части поставки продуктивных идей роботы тоже давно могли эффективно помогать людям. Они же быстрее находили пути к их реализации. В госпиталях и поликлиниках врачами работали люди, но каждого из них подстраховывал робот (пусть даже в звании медицинской сестры, это значения не имело). Ибо врачебная ошибка, хотя бы одна на десять тысяч диагнозов и рецептов, никому не была нужна.

Вывод был такой: главным завоеванием демократического общества был равный доступ всех землян к материальным благам. Давно уже и материальные блага землян не зависели от места их проживания и никто ни в чем не испытывал недостатка. А гипертрофированное потребление и чрезмерные аппетиты в любой области бытия вызывали неуважение и нарекания. Хотя каждый получал то, что хотел, хотеть очень много считалось дурным тоном и осуждалось гласно и негласно. Это бытие и демонстрировал сейчас

экран яркими цветами. Ничего не рекламировалось. Но стоило высказать заинтересованность каким-либо товаром, как на экране появлялись все сведения и о других товарах, способных заинтересовать данного телезрителя. Причем, его вкусы и запросы учитывались самым тщательным образом. При вторичном запросе автоматически подтверждался заказ и через час-другой выбранный товар доставлялся на дом. При необходимости для семьи Талдыкиных любую покупку мог сделать робот Джон. Но Вера Андреевна сама любила ходить по магазинам. Мужчин же эта процедура тяготила, и они редко заглядывали в огромные универсамы.

– Джонни, ты нам лучше последний бой Кассиуса Клока и Сережи Добрынина покажи! – попросил Павел.

На экране возник ринг с двумя боксерами-тяжеловесами, один из них как пантера выжидал удобного момента для удара. Другой казался импульсивным и, видимо, тоже был не промах. Начался захватывающий бой. Результат этого боя был уже известен, но хотелось еще раз увидеть кульминационный момент поединка, завершившегося удивительным по силе и точности ударом...

До отъезда на стадион оставалось минут десять. Петр Иванович и Павел поблагодарили Джона за завтрак и попросили им приготовить на обед то, что закажет Вера Андреевна. Время для чтения оставалось мало, но можно было пообщаться с Татьяной, дочерью, которая была двумя годами младше Павла, но уже лет пять была замужем, подарила им внука и внучку. А жили они в городе Красноярске (ее муж Игорь был родом из тех мест). Нажатие кнопки вывело на экран Танин дом и ее семью. Обмен приветствиями и сообщениями о житье-бытье был эмоциональный, но недолгий, зато на внуков Петр Иванович насмотрелся с радостью.

– Татьяна обогнала тебя, Паша! – сказал Петр Иванович сыну, укоряя его за долговременное пребывание в стане холостяков.

– Какие мои годы, папа! – ответил Павел, но к племянникам проявил интерес, показал, что делает им «забадуху», в ответ, старшенькая Лиза улыбнулась и воскликнула: «Это не так, это понарошку! Ты не сможешь до меня дотянуться!». Она уже понимала, что ее дядя находится на недосягаемом для нее расстоянии.

Прощавшись с близкими людьми, Петр Иванович сам погасил экран и, поблагодарив Джона, пошел в гостиную, где были вывешены точные копии известных полотен: «Звездная ночь» Винсента Ван Гога,

«Герцогиня Альба» Франциско Гойя и «Березовая роща» Архипа Куинджи. Это были творения роботов, которые умели делать идеальные копии любых картин, и люди давно уже могли позволить себе иметь в своих домах те произведения искусства, которыми особенно восхищались. А так как между оригиналами и копиями почти не было никакой разницы, то никто уже не стремился стать владельцем подлинников.

«Звездная ночь» запала в душу Петра Ивановича неистовством Мироздания, потому что Винсент Ван Гог вложил в эту картину еще и свое неистовство. Да, Вселенная никогда не была стационарной, какой представлялась человеку из окна его дома. Но Ван Гог выделил и запечатлел именно шаш светил, рождение сверхновых звезд и черных дыр. Сверхновые и черные дыры, поглощающие все окрест, гений увидел раньше, чем их открыли астрономы и сумел передать это простым языком своего искусства для обыкновенных людей. А внизу, на покрытой мраком земле, под причудливо изогнутыми кипарисами (их изогнул не ночной ветер, а галактика передала им свои порывы) змеилась обычная проселочная дорога. Петр Иванович не мог уразуметь, почему художник не был понят и оценен при жизни. Да, он не двигался в общей колонне, но в искусстве это не недостаток. С другой стороны, не влачи он жалкого существования и не мечтай о признании, его самовыражение не достигло бы тех высот, на которые он взошел наперекор тем, кто его не понимал и не принимал. Художник хотел доказать, что видит мир не как все, но доказал это только следующим поколениям, которые увидели в нем выразителя своих дум и своих чаяний.

«Герцогиня Альба» была картиной совсем иного плана. Загадочность «Моны Лизы» она отвергала, как несовместимую с ее прямой и целеустремленной натурой. Это был портрет, и все. Но какой портрет! Как глубоко и точно Гойя выхватывал человеческую суть, одновременно порочную и высокую! Герцогиня была запечатлена в сокровенной обстановке. Подразумевалось, что рядом с ней стоял мужчина, и им, скорее всего, был сам Гойя. Вызывала изумление передача на полотне страстных чувств женщины, отождествляющихся с женским началом в природе.

А у полотна «Березовая роща» можно было отдохнуть и от шаша светил, и от чар герцогини Альбы. Летнее яркое солнце переполняло рощу, белые стволы переставали вбирать в себя свет и начинали

струить его сами, матовая листва трепетала. Свет и был главным достоинством картины, он впечатлял сильнее, чем прекрасные березы. Деревья как бы концентрировали его про запас, чтобы им поделиться осенью и зимой. Петр Иванович подумал, что хотел бы жить по соседству с такой рощей. Чтобы в любой момент можно было войти в нее, лечь на траву-мураву и устремить взгляд на небо, что открывалось в разводах крон и, главное, никуда не торопиться. Что ж, летом он и Паша пойдут в путешествие по Чаткалу и Акбулаку, а в тамошних горных урочищах берез не сосчитать. Там есть целые соцветия берез – по пять-шесть стволов от одного корня...

Отец и сын вышли из дома на тенистую улицу, где их ждал автомобиль с роботом-водителем. «Едем на стадион?» – спросил он. Услышав подтверждающий ответ, он кивнул, и машина тронулась. Колеса зашуршали, набирая скорость; электрический двигатель работал бесшумно.

ГЛАВА II

В раздевалке стадиона человек десять уже переодевались в спортивную форму. Петр Иванович и Павел радушно приветствовали своих товарищей по команде и соперников. Две команды любителей футбола были соперниками уже шесть лет. Три раза в неделю сходились на матчах и имели примерное равенство побед и поражений. Но общего итога голам забитым и пропущенным никто не подводил, – какая разница? И получалось, что в итоге всегда побеждала дружба, а люди, приходившие на зеленое поле побегать и отвести душу, обретали хорошую физическую форму. Возраст участников не ограничивался: двоим игрокам команды в «синих» майках было за восемьдесят, а троим игрокам в «белых» – за семьдесят. Но на скорости и умении вести мяч это почти не сказывалось, люди теперь начинали стареть только после столетнего рубежа. Сама старость давно уже воспринималась человеком не как парад болезней, а как привыкание к жизни, как «незнание», чем же еще заняться, когда почти все интересное уже познано и увидено.

По умению владеть мячом игроки делились: на фанатов, у которых получалось буквально все и которые верховодили на поле; на хороших игроков, заметно уступающих фанатам в мастерстве; и на посредственных, которые не стремились атаковать соперников и

отсидживались в защите. Павла здесь причисляли к фанатам за его филигранные обводки, точность паса и удара и, главное, за поразительное чутье, кому он должен переадресовать мяч с максимальной пользой для команды. А Петра Ивановича вполне удовлетворяла его второстепенная роль на футбольном поле. Он числился в разряде «так себе» и никогда по этому поводу не переживал. Он приходил на стадион, чтобы поддерживать себя в хорошей физической форме, чтобы пообщаться с друзьями, и за общекомандными эмоциями, часто подогреваемыми до высокого накала.

Стадион, спортивный зал, плавательный бассейн, лесопарк с многокилометровыми прогулочными аллеями, тренажеры в доме и в спортивном зале прочно вошли в жизнь каждого землянина. Ибо человек был волен работать или не работать, но первой его обязанностью было вести правильный образ жизни и поддерживать ту физическую форму, которая соответствовала его возрасту. Ведь известно, что хорошее здоровье – залог долгой, полноценной жизни. Эта аксиома упорно внушалась всем и каждому со школьной скамьи.

За «синих» и за «белых» играли представители самых разных профессий – ученые и инженеры, врачи и учителя, артисты, адвокаты, менеджеры, бизнесмены.

В их время типично рабочих профессий люди сторонились за их монотонность, и потому профессии строителя, столяра, продавца, слесаря-сборщика были переданы роботам. Разумеется, если кто-то желал постоять у станка или положить свой кирпич в строящийся дом, это всегда поощрялось. Каждый человек занимался той деятельностью, в которой имелось творческое начало, созвучное его способностям. Только люди также знали, что у них есть право выбора, и старинная заповедь «Труд создал человека» как бы уходила в прошлое. На Земле не осталось профессии, недоступной роботу, и не осталось профессии, в которой робот не превзошел бы человека.

Роботы не отставали также и на поэтическом поприще, и как художники, и как режиссеры, певцы, актеры, композиторы. И поэтому в эти сферы творческой деятельности роботов не допускали. Эту линию творчества человек сохранил за собой. Зато научную, техническую и конструкторскую мысль вперед двигали роботы, деликатно подсказывавшие человеку, что и как, но свои подсказки не выпячивавшие. Людям это нравилось не всегда, но кого им было

винить, когда они сами создали электронный мозг, чрезвычайно емкий и продуктивный? Руки роботов давно уже были проворнее, быстрее и производительнее человеческих (у робота рука могла быть сконструирована побольше или поменьше, не только с пятью, но и с семью, с десятью пальцами, как раз такая, какая лучше всего подходила бы для трудоемкой работы). И в этом тоже людям следовало винить только самих себя...

Игроки в синих и белых майках недружно высыпали на зеленое поле, под яркое утреннее солнышко. Пришло двадцать три человека. Что ж, в первом тайме за «синих» будет играть одиннадцать человек, а за «белых» – двенадцать, а во втором тайме – наоборот. Игроки занялись разминкой, после которой робот-судья свистком возвестил о начале матча.

«Синие» компактно устремились вперед, с Пашей «на острие» атаки. Но Павла опекали сразу два фаната «белых», а игрок, которому он был вынужден передать мяч, сплеховал, и мячом завладели «белые». Рывок вперед, – у «белых» словно крылья выросли, один удачный пас, второй, обводка, еще обводка, и вот человек в белых трусах и белой майке оказывается один на один с вратарем «синих» и «чисто» бьет мимо него. Мяч в сетке! «Белые» дружно кричат «Ура!», «синие» же недовольны. «Кому проигрываем!» – кричит Павел. «Кому проигрываем!» – вторит ему команда. Надо мобилизоваться и атаковать. Напор, еще напор, обводка, шикарный пас игроку, сумевшему обмануть бдительность защитника и освободиться от его опеки. Удар – не сильный, но расчетливый, точный. И теперь «белым» приходится извлекать мяч из сетки.

Азарт игры нарастает, но судья следит, чтобы он не перерастал в нарушение правил, а особенно в разного рода грубости. Офсайд, правда, не засчитывается, играют не команды мастеров на какое-то там первенство. А нет офсайда, нет и споров. Травм же старались избегать и «синие», и «белые». Ведь травма (будь то удар бутсой по ногам соперника или сшибка на высокой встречной скорости при бескомпромиссной борьбе за мяч), нанесенная игроку со стороны противника, через игру-другую обернется травмой, нанесенной тебе. Этого не хотелось никому. И судья свистел, остужая азарт, нейтрализуя его избыток штрафными, а то и предупреждениями. Ему внимали беспрекословно, его авторитет признавался и не оспаривался. На всех

соревнованиях, где требовался судья, в том числе и на олимпийских играх, судьями были роботы, абсолютно беспристрастные.

Вот и первый тайм позади. Счет: три – четыре. Команды меняются местами и отдыхают прямо на поле. Перерыв десять минут, и снова мяч в игре. «Синие» мобилизуются и насаждают. Теперь удача благоволит им и они забивают подряд два мяча. Успокаиваются, размагничиваются, а это настроение не для триумфа. «Белые» мобилизуются и вкатывают мячик в ворота «синих»: рано расхолаживаетесь, ребятки! И ребятки (некоторым из них за восемьдесят!) снова наддают, но до гола дело не доходит. Раздается долгий свисток – матч окончен. Пять – пять! Судье на часы смотреть не надо, они тикают внутри него. Боевая ничья! Петр Иванович переводит дух. Он – «выложился по полной программе». И все, кого он сейчас видел перед собой, выложились, для этого они сюда и пришли. «Синие» смешиваются с «белыми» и общей гурьбой спешат в раздевалку. Все довольны. Теперь самое время попариться в сауне. Она просторная, всем хватит места. Кому надо, чтобы было жарче, сядет ступенькой повыше и выйдет минутой попозже. Но роботы на чеку, они видят, кому пора выходить на свежий воздух.

Кто-то крикнул:

– А пивка нельзя ли? Прямо сюда!

Робот, услышав просьбу, внес поднос, уставленный пивными кружками с высокими шапками искристой пены. Их разбирают, но через одного. Петр Иванович и Павел воздерживаются, у них на сегодня иные планы. Пожалуй, пора на прохладу. Петр Иванович покидает сауну, а вскоре к нему присоединяется и сын. Два с половиной часа промелькнули как одно мгновение. В теле ощущается приятная усталость – будто заново родился!

Одевшись, они тепло простились с товарищами.

Глава III

Дома Петр Иванович и Павел облачились в шорты, вооружились легкой лесенкой-стремлянкой, секатором, ручной пилой-ножовочкой, штыковой лопатой и пошли в сад. Он был ухожен и чист, но при желании кто не найдет работы в саду и в огороде? Тут травка проклюнулась сорная и пошла в рост, там веточка подсохла и общий вид портит, а здесь веточка ненужная выпорхнула, лишняя. Она

чрезмерную густоту создает, мощные плодовые ветви заслоняет. Нет, пытливый глаз всегда найдет, к чему приложить здесь руки.

Цветочные клумбы благоухали розами белыми и бежевыми, а сирень уже отцвела. Отдельным красным платком полыхали гвоздики. Интересно, земная или неземная красotka его обронила? Отцвели тюльпаны, а рядом с ними приветствовали солнце острые и тугие стебли гладиолусов. И были цветы новые, совсем диковинные, выпестованные селекционерами в последние десятилетия. И были растения, где роль цветов выполняли листья – бордовые, лиловые, желтые, голубые. Глядя на эту экзотическую прелесть, Петр Иванович только пожимал плечами. Сам он отдавал предпочтение розам и гладиолусам, но вкуса своего никому не навязывал. Это были владения Веры Андреевны, тут она была хозяйкой и наводила порядок по своему разумению. Даже Джону не разрешалось проявлять инициативу.

Обход сада был начат с участка, где росли абрикосы и урюк. Два абрикосовых дерева обещали щедро отблагодарить за заботу о них. Плоды густо облепляли их ветви, особенно верхние, и клонили вниз. Они тяжелели с каждым днем, и в их цвет уже начала вкрапчиваться приятная желтизна. Через неделю можно будет поставить на стол первую вазу с этими фруктами. Урючины тоже обещали богатый урожай. Часть урюка пойдет на варенье, часть – на курагу. А все лишнее они отдадут заготовительной конторе, ведь им самим столько не нужно. Контора поступит с излишками по своему усмотрению, она снабжает и консервные заводы, и магазины. А косточки поколет Джон, посолит и прокалит.

Под урючинами просторно и прохладно, здесь хорошо встанет айван (топчан), здесь во всем саду самая густая тень. Чем лучше покрыть айван, – толстой войлочной кошмой или одеялом? Под орешинной тоже плотная тень и даже просторнее, но Вера не любит эфирного запаха ее листьев и никогда не ставит там свое раскладное кресло. А айван, на котором не захочет сидеть Вера, им ни к чему.

– Паша, ты бы где поставил айван? – спросил Петр Иванович сына. И Паша указал на ровную площадочку между абрикосами и урючинами.

– Заметано! – сказал Петр Иванович. Их мнения совпали, что было хорошим знаком.

За урючинами стояли черешни, три добротных, раскидистых дерева. Черешня сорта «бычий глаз» поспела, ее бордово-черный цвет еще почернел. Петр Иванович взобрался на стремянку, пригнул одну

ветку, вторую, обобрал их и наполнил корзинку доверху. «Другую стремянку, и повыше!» – попросил Павел, и Джон принес пятиметровую лестницу и поставил с другой стороны черешни. Павел взобрался наверх и тоже обобрал две ветки. На сегодня хватит, а ягоды на вершине дерева соберет Джон. А помогут ему птички – скворцы, которые проворны необыкновенно; зазеваешься, и они тут как тут. Только вот с какой стати Талдыкины будут делиться со скворушками такой вкуснятиной? Пусть букашек-таракашек клюют, их на деревьях, а особенно под ними тоже не мало. Ядохимикаты Петр Иванович не применял. Пусть деревья дадут меньше урожая, но зато к плодам не прилипнет ничего стороннего.

Робот отнес в дом два полных лукошка, а отец с сыном продолжили обход сада. Далее росли яблони ранние и поздние и груши. Яблони обещали столько плодов, что две трети они передадут заготовительной конторе. А десятка три ящиков снесут в подвал, до следующей весны. Зимой свое яблочко почему-то ароматнее и вкуснее привозных бананов, апельсинов, плодов манго и киви. Наверное, потому, что взлелеяно своими руками и сорвано ими же. Под яблонями Петр Иванович задержался, поработал ножовкой, потом секатором, удаляя лишнее. А Павел еще раз взрыхлил лопатой приствольные круги там, где они уплотнились и поросли травой. Эта работа уже была проделана месяц назад, но ведь сорной травке расти не запретишь. Прививкой саженцев Петр Иванович не занимался, отбирал для посадки апробированные сорта, в отношении которых время сказало свое доброе слово. За двумя рядами яблонь стояли груши и персики. Тут тоже пришлось потрудиться, подпереть стойками особенно урожайные ветки. Две ветки, однако, успели поломаться, и Петр Иванович поморщился: о подпорках следовало позаботиться еще вчера. Прикинул: на сломавшихся ветках плодов было штук сто пятьдесят. Жалко, но ничего не поделаешь. Не каждая ветка выдерживает тот урожай, который на ней зреет.

Далее росла вишенка – около двадцати деревьев. Они были обсыпаны ягодой сверхщедро, но она пока даже не розовела. К вишне Петр Иванович питал особое пристрастие – он делал из нее сухое вино. Собирал вишню, не считаясь со временем, потом давил своими руками, добавлял сахар, препровождал сусло в объемные стеклянные баллоны, прикрывал их крышками, но не плотно, и позволял бродильному процессу сделать свое дело. Месяца вполне хватало, чтобы превратить

сок вишни в отменное вино. Чем больше алкоголя вырабатывали проворные дрожжевые бактерии, тем хуже они себе делали – спирт был ядом, их парализующим. Пределом способностей дрожжевых бактерий было выработать четырнадцать градусов спирта, но этой цифрой они подписывали себе смертный приговор. Поэтому крепость сухих вин никогда не превышала двенадцати градусов. Все напитки более крепкие получались путем выгонки спирта из сухого вина или алкоголесодержащих заготовок.

Вина Петр Иванович делал столько, что ему и друзьям семьи хватало до нового урожая. Сначала в дело шла вишня, потом слива и виноград. Сорта «мускат» и «изабелла» придавали виноградному вину Петра Ивановича изыск тонкий, ни с чем не сравнимый. Ему нравилось делать вино, это было его хобби. И домашние относились к его увлечению с должным уважением.

* * *

Профессией Павла было роботостроение, или создание роботов, и в этом деле он разбирался куда лучше отца и лучше большинства своих коллег. В этом деле Павел был величина, один из законодателей мод, и его слово значило много на всех пяти обитаемых материках, и на шестом тоже, ведь его осваивали роботы. Он собирал роботов с детских лет, и сначала это была игра, на базе конструкторских материалов высшего качества, а потом – призвание, подкрепленное университетским образованием и кандидатской диссертацией, которую приемная комиссия посчитала как докторскую. Такое случалось раз в четверть века, и это записали в анналах Ташкентского технического университета.

Они продолжили работу. Вишневые деревья в особом уходе не нуждались, и так радовали глаз пышностью и дружной устремленностью к солнцу. Казалось, не только соки, но и сама радость жизни прилиwała к листьям и ягодам вишни. А далее рядами шли шпалеры, обвитые виноградной лозой. Цветение винограда закончилось две недели назад, кисти сформировались, их было много, и уже можно было удалять лозу, лишнюю кистей. Чтобы она не вбирала в себя соки, ей не предназначенные. Защелкали секаторы, на землю полетели побеги большие и маленькие. Эти побеги вели в никуда, в тупики, лишённые продолжения жизни, и потому секатор поступал с

ними так жестоко. Напрашивалась аналогия на массу пустопорожных побегов в недавней человеческой жизни: от алкоголиков и наркоманов, от гомосексуалистов нельзя было ждать молодой поросли. Человечеству пришлось затратить колоссальные усилия, чтобы направить этих заблудших людей на путь истинный. Были проблемы, ведь несправедность и права человека несовместимы.

– Папа, ты когда планируешь пойти в горы? – спросил Павел.

– Можно и в июле, и в августе. Акбулак – приятная река, там все причудливо, как в первозданном мире – замшелые скалы, березы. О, там такие нагромождения! А перевалим через хребет – там Ангренское плато с озером. У озера горячий источник, при нем ванна. Залезем в ванну, погреемся, и ты почувствуешь, как хороша жизнь. Варианты другие – Коксу и Чаткал. Долгое путешествие может привести нас к озеру Сары-Челек. Ничего более красивого не видел. Там уже чисто северные пейзажи с елями Пржевальского на склонах. Облачко набегит на солнце, и вмиг все другое.

– Папа, мне бы твою осведомленность по части наших гор! – сказал Павел.

– А мне бы твою осведомленность по части роботов! – сказал Петр Иванович.

– И ты думаешь, мы были бы квиты? Нет, разницу в двадцать два года, что нас разделяет, мне так легко не преодолеть! Я имею в виду жизненный опыт и общий объем знаний.

– Паша, это не есть повод для переживаний, – сказал отец. Землю под ними уже густо устилала обрезанная лоза.

– Каждому свое, – согласился Павел.

– Девушка тебе нужна, – сказал Петр Иванович. – Такая, чтобы стала твоей женой.

– Мечтаю о такой, – сказал Павел. – Чтобы увидеть и влюбиться. Чтобы на маму была похожа. Я нашел в Интернете десять красавиц, но не знаю, на ком остановиться. Вспоминаю одну деву, на которую мне очень приятно было смотреть в университете. А заодно думаю: Интернет – живая жизнь или ее зеркальное отражение?

Павел задал вопрос и воззрился на отца с юношеским коварным любопытством.

– Интернет – это отражение, – сказал Петр Иванович.

– Отражение чего?

– Всего и всякого.

– Папа, позволь с тобой не согласиться. Интернет как справочное бюро, можно найти все что угодно – сегодня шпроты в масле и зеленый горошек, завтра рюкзак туристический со всем, что нужно для горного похода, и так далее.

– Ладно, пойдем еще повкальываем. Сколько до обеда? Полчаса? Давай посмотрим, что нам огород приготовил.

На огороде клубничные грядки потребовали свое лукошко, картофельные – ведро. Клубника была ядреная и грелась на солнышке красными пупырчатыми бугорками. Сбирать ее было одно удовольствие. Дружно цвели малина и ежевика, огурцы и помидоры. Они еще наполнили ведро огурцами, выдернули с десятков корешков зеленого лука. На сегодня было достаточно. Помидоры, перец и баклажаны так и остались неокученными – до следующего раза. Сад поливать было рано, деревья еще не сигнализировали о нехватке воды (в них были вживлены специальные датчики), а на огороде они полили огурцы и грядки с укропом, петрушкой, сельдереем, салатом. Повернули нужные вентили, а далее в дело вступила капельная оросительная система. Вода нигде не выступила на поверхность. Это был самый экономный вид орошения, но и достаточно дорогой. Вода была основным богатством края. Большая ее часть поступала по тысячекилометровым каналам из Сибири, из рек Оби и Енисея, и расходовать ее полагалось бережно, рачительно. Все Приаралье и земли в нижнем и среднем течении рек Сырдарья и Амударья орошались сибирской водой, и Арал целиком возродился в прежних границах.

Глава IV

Вертолет опустился перед домом Талдыкиных и принял их в свое уютное нутро. Сразу взмыл, кроны деревьев затрепетали, пригнулись, а потом выпрямились. Робот управлял этой легкокрылой, быстрой и комфортной машиной. Петр Иванович задержал взгляд на близких горных склонах, покрытых горизонталями террас. На террасах росли плодовые деревья и виноград, их приствольные круги были обложены камнем, аккумулирующим влагу, и этой влаги деревьям вполне хватало. Камни конденсировали ночную влагу, она откладывалась на них, как роса, а корни слизывали ее и впитывали. Вертолет взял курс на юго-запад, и долина стала быстро расширяться, а горы справа и слева – так же быстро снижаться, превращаться в холмы, а потом сменились

равниной. Эта равнина простиралась на запад до Каспийского моря, а на север до Ледовитого океана. Внизу проплывало сухое извилистое русло Чирчика, выложенное белым галечником, а параллельно ему по правому берегу пролегал канал, вобравший в себя всю воду реки Чирчик. Она подавалась в Ташкент, где проживало четыре миллиона человек, и еще на окрестные поля, а попутно крутила лопасти турбин. Электрическая энергия от генераторов сейчас текла не в трансформаторы и провода, а в аккумуляторы, один килограмм емкости которых вбирал в себя десять тысяч киловатт-часов. Это эпохальное изобретение многое в мире перевернуло. Из пейзажей исчезли линии электропередач со стальными опорами и тяжелыми проводами. Источником электроэнергии на предприятиях, в квартирах и на транспорте теперь были небольшие аккумуляторы. Ушли в прошлое и двигатели внутреннего сгорания, их место на транспортных средствах и на сельскохозяйственных машинах заняли электромоторы. Аккумуляторы питали и роботов; одной батарее им хватало на год, а то и больше. Девяносто процентов электроэнергии на планете вырабатывали термоядерные станции, остальное – гидравлические, ветряные, солнечные. Органическое топливо теперь использовалось в крайне ограниченных размерах и совсем не так, как прежде.

Не прошло и десяти минут, как в иллюминаторах показался Ташкент. Высота и скорость рождали приподнятость. Потянулись коттеджи, обрамленные садами. Дома не повторяли один другой, и многие из них заставляли добрым словом помянуть архитектуру, как вид искусства. Вдруг открылись корпуса роботостроительного завода. Их окружали дубы и чинары. Заводской двор являл собой ухоженный парк, на аллеях стояли скамейки. Человеческому персоналу присутствовать в цехах было вовсе не обязательно, на ход рабочих процессов люди практически не влияли. Им, конечно, приятно было считать себя важными персонами, но на деле все обстояло несколько не так. Это было самое крупное промышленное предприятие Ташкента. Полвека назад оно отобрало пальму первенства у авиационного завода, строившего транспортные самолеты большой грузоподъемности.

Вертолет приземлился на асфальтированной площадке. Повестка дня предусматривала сначала посетить заводской музей, затем осмотреть цеха. Музейные залы поведали Петру Ивановичу историю роботостроения. Оказывается, ей было более ста пятидесяти лет. Первыми роботами были нехитрые механические автоматы,

закупоривающие бутылки и банки в разливных цехах пищевых комбинатов, подающие детали и закручивающие гайки на заводских конвейерах. Вместо электронной памяти у них были механизмы, аналогичные часовым, а руки и пальцы замещали устройства с цилиндрами, поршнями и штоками, зажимающие отвертки и гаечные ключи и действующие ими на строго ограниченном и выверенном пространстве.

Но, как говорится, лиха беда начало: любая современная техника восходила своими истоками к кузнечному горну, наковальне, молоту. Революцию в сотворение роботов внесла электронная память. В следующих поколениях роботов эта память обрела все черты человеческой – мгновенный выбор оптимального варианта из многих возможных, восприятие внешних условий и внешнего воздействия чувствительнейшими датчиками, повторяющими (или превосходящими) человеческие органы чувств. При этом все поведение роботов, все их поступки зижделись на праведной морали, а несправедность, такая, как зависть, злость, чувство обиды и мести, исключалась совершенно. Очень скоро электронный мозг робота мог вобрать в себя сотни программ самых разных профессий. Так, робот, предназначенный для научных исследований, обладал знаниями, эквивалентными большой публичной библиотеке и архивам многих исследовательских институтов и конструкторских бюро. И еще его электронный мозг обладал свободным пространством для тысячи и одного маневра этими знаниями, что позволяло ему строить гипотезы, среди которых были очень любопытные. Естественно, такой робот становился неиссякаемым источником новых идей, и наиболее перспективные из них быстро апробировались и получали практическое воплощение. И если человека надо было учить избранной профессии лет десять – пятнадцать, а то и больше (сюда входила и школа обычная), то робот обучался любой профессии за секунду. Секунда, и перед вами маэстро-виртуоз, идет ли речь об автомобиле, станке, кухонной плите или фортепиано.

Революцией второй было вытеснение гидравлических приводов приводами синтетическими, не просто имитирующими мускулы человека, но превосходящими их по силе и скорости действия. В Японии был создан материал, в состав которого входили пористая резина с особыми свойствами и чистое порошковое железо. Электрический разнознаковый импульс мог притягивать частицы

железа друг к другу или отталкивать их, и в зависимости от этого пористая резина то сокращалась, сжималась, то разжималась, расширялась. А эти усилия через керамико-силиконовый скелет передавались куда надо – рукам, ногам, шее, другим частям тела. Революцией третьей было создание емкого аккумулятора: компактная коробочка обеспечивала жизнедеятельность робота на очень большой срок. Конечно, была создана совершенная «нервная система», доводящая импульсы-приказы до любой части «тела», а также система охлаждения, предохраняющая от перегрева мышцы, которым приходилось сильно напрягаться или работать в экстремальных условиях жаркого климата, горячих цехов. Своевременный отвод тепла позволял роботу не знать, что такое усталость; в отдыхе и возобновлении сил он не нуждался. Эта же система при необходимости не позволяла температуре тела робота опуститься ниже критической, что было важно в космосе или на планете, отдаленной от Солнца.

Робот, дублирующий человека, был самым распространенным. Но он мог принять вид и форму собаки, лошади или любого другого животного и выполнять их функции. Своей сутью во многом повторяли структуру роботов и полностью автоматизированные технологические линии, выдающие какую-либо конкретную продукцию массового спроса – хлеб, печенье, конфеты, одежду, кирпич и цемент, фарфоровую или стеклянную посуду, лекарства. Список этих изделий занимал сотни страниц.

Петр Иванович неспешно шел от экспоната к экспонату. Слушал сына, который в очередной раз повторял пройденное, стараясь донести до отца, как кардинально роботы изменили жизнь каждого конкретного человека и всего человечества. Просил пояснений, если чего-то недопонимал. Радовался красоте и силе человеческой мысли, итогом которой были выставленные в музее технические шедевры. Наибольший вклад в роботостроение внесли японцы, а когда человечество стало единым, мировые центры роботостроения появились в Северной Америке, Европе, в разных частях Азии. Придать роботу человеческое лицо и человеческие привычки было задачей не самой сложной, и с ней легко справились лучшие художники и дизайнеры планеты (а роботы им помогли своей чисто детской понятливостью и расположением к новшествам).

Важнейшим компонентом электронного мозга робота оставалось его подчинение воле и командам человека. Это подчинение четко

ограничивало его самостоятельность и индивидуальность. Также были запрещены роботы-мужчины или роботы-женщины. Фактически же роботу дозволялось все, что не противоречило интересам и нуждам людей и не ставило его выше человека. Тут вкрадывалось противоречие, которое время только углубляло, ведь робот давно уже умел и мог много больше человека. Он был на три четверти, а то и на девять десятых творцом его достатка. Но это ограничение, предусмотренное семьдесят лет назад верховным правительством Земли – Организацией Объединенных Наций, продолжало соблюдаться неукоснительно. И робот оставался помощником и слугой человека, хотя давно уже обладал куда более широкими и высокими параметрами.

Петр Иванович обратил внимание, что посетителей в музее было не меньше, чем если бы здесь экспонировались выдающиеся произведения искусства. Публика прямо валила сюда, и глаза людей светились неподдельным интересом. Отдельные залы были посвящены большим космическим станциям, освоению Луны и Марса: все это делалось исключительно руками роботов. Тишину нарушали шарканье подошв и речь гидов, среди которых не было роботов. То есть, людям нравилось самим рассказывать о достижениях своих отцов и дедов. «Однако!» – только и вымолвил Петр Иванович часа через полтора. «Вот так, папа!» – согласился с ним Павел.

И они пошли в цех, сначала в тот, где создавался скелет робота на керамическо-силиконовой основе, затем в другой, где собиралась «умная голова», потом в третий, где формировалась мышечная ткань с ее нервной и охлаждающей начинкой, и, наконец, в цех завершающий, сборочный, где все это состыковывалось воедино, и робот, сходявший с конвейера, пожимал руку человеку, напутствующему его на большие свершения. Роботам хотя и прививалось человеческое мышление, но они прекрасно обходились без праздников. Подогрева, в виде всплесков эмоций, им не требовалось. Девяносто роботов из ста предназначались для работы на Земле, и только одна десятая их часть отправлялась в космос, на Марс и дальше. Этим роботам не было нужды походить на людей образом мыслей и внешностью, зато они легко переносили космический холод и вакуум. Человек рядом с роботами в космосе и на других планетах Солнечной системы выглядел белой вороной, ведь он вынужден был окружать себя земным комфортом. А в двух цехах роботы обновлялись после службы в десять и в двадцать лет. Их

мускулы за этот срок теряли эластичность и силу, кожа на пальцах стиралась, утончалась. Электронная же память в обновлении и корректировке практически не нуждалась.

Везде царила стерильная чистота, везде воздух проходил тщательную очистку от мельчайших частиц пыли, везде поддерживалась одна и та же температура – плюс двадцать два градуса. Здесь работали и люди, если им это нравилось. Но наиболее тонкие и точные операции выполняли только роботы. Они никогда не ошибались. При сборке скелетов позвонки, коленные и локтевые суставы, фаланги пальцев притирались друг к другу с точностью до долей микрона. Почти все технологические операции были не на виду и совершались внутри станков и линий-автоматов.

– Я под сильным впечатлением! – сказал Петр Иванович сыну. – Вот это производство! Какие материалы! Какие микроскопы и лазеры, какие автоматы! Потрясающая точность!

– Папа, мы вернемся к этому разговору дома, в спокойной обстановке, – сказал Павел.

– Пожалуй. Если тебе это надо.

– Тебе это надо не меньше, чем мне! – воскликнул Павел. Других дел у них в городе не было, и они возвратились домой на том же элегантном воздушном аппарате, на котором прилетели. День погас, проклюнулись первые блеклые звезды. Вера Андреевна ждала их и приветливо улыбалась. Ужин, приготовленный Джоном по ее рекомендациям, был верхом кулинарного изыска. По ее настроению угадывалось, что и ее рабочий день не доставил ей больших хлопот и особых проблем; усталой и озабоченной она не выглядела.

Глава V

– Ура, все в сборе! – воскликнул Павел. – Я бы пригласил и Джонни сесть с нами, да он не ест.

– И не пьет! Представляете, какво с ним в компании? – Джон умел вставлять реплики, – Какого коньячка не отведаю!

– А я проголодался, – сказал Петр Иванович.

– И я! – сказала Вера Андреевна. – Я слона съесть готова!

Она лечила стариков-ревматиков, и к концу рабочего дня у нее начинало рябить в глазах. Тридцатого и последующих пациентов она

перепоручала роботу, ведь ему было неизвестно чисто человеческое состояние усталости.

– Идиллия, когда мы все за столом! – сказал Павел.

Петр Иванович сначала налил Вере коньяка в рюмку, хрустальные грани которой благородно искрились-переливались, а затем наполнил сухим вином стаканы.

– Паша, за твое предприятие! – произнес тост Петр Иванович. – Вера, жаль, что тебя не было с нами. Я поражен. Я потрясен. Я озадачен! Робот – это такая мощь и такая тайна!

– Это очень важно, папа, что ты озадачен! – сказал Павел. Он, как и отец, привык смаковать вино неспешно, маленькими глотками. Тогда оно отдавало все, чем обладало, – аромат, вкус и крепость.

– Павел, ты все еще пытаешься привлечь отца на свою сторону? – спросила Вера Андреевна.

– И я его перетяну! То, чему он стал сегодня свидетелем, произвело на него впечатление. Да или нет, папа?

– Да, да и еще раз да!

– Как мой салат? Как рыбка? Не вижу и не слышу трепетного восторга! – сказала Вера Андреевна с прорезавшейся обидой. – Я так старалась!

Старался, конечно, в основном Джон, но Вера Андреевна при его стараниях присутствовала со своими полезными советами и потому имела право все вкусовые достоинства блюд приписать своему участию в их приготовлении.

– Мама, мы сейчас уважим и тебя, и твой крабовый салат, и твою форель! Но ты не торопи нас, – попросил Павел. – Мы, слава Богу, дома или не дома?

Выпив вино, мужчины отдали должное дальневосточным крабам, сдобренным свежими овощами и майонезом, и прекрасной рыбке под винно-лимонным соусом. Вере Андреевне их аппетит понравился. Вкусно поесть она любила, и если бы не заботы о талии, ее вечерние порции не были бы такими ограниченными. От коньяка «Арагат», тягучего, светло-коричневого, со стойким привкусом дубовой коры, ее щеки быстро порозовели. Голод был утолен, дневные новости выслушаны, и можно было вольготно откинуться на спинку стула и расслабиться.

– Джонни, присядь-ка с нами, не мельтеши! – попросил Павел. Джон сел и заговорщически улыбнулся молодому человеку, оказавшему ему

такое внимание. У него была очень выразительная мимика. – Джонни, ты бы хотел выйти из подчинения людям?

– Мне это не нужно, – сказал робот. – Меня вполне устраивает мое теперешнее положение. Люди и я, – мы прекрасно взаимодействуем, дополняем друг друга.

– Ты дополняешь людей, это я вижу ежедневно и понимаю, – сказал Павел. – А как люди дополняют тебя, не вижу, потому что этого нет. Объясни, пожалуйста!

– Люди, – Петр Иванович, Вера Андреевна и ты, – вы надо мной, вы говорите, я слушаю и выполняю ваши поручения. Нет команд, я бездействую. Получается, что без ваших команд я как без работы. Значит, вы дополняете меня тем, что командуете.

– Это я знаю, на это ты и запрограммирован. Но если бы тебя перепрограммировали на полную самостоятельность, тебе стало бы лучше или нет?

– Если иметь в виду положительные эмоции, ко мне притекающие, то их стало бы больше, – согласился Джон. Он был сама деликатность.

– А твои возможности? Они бы очень расширились.

– Так возможностями я и сейчас не обделен, – сказал Джон. – Говорите, что делать, я готов. Надо – полы вымою и одежду вам постираю и поглажу, надо – на Луну полечу или куда скажете.

– А ты бы не хотел, чтобы это «надо» в самом тебе рождалось? – задал вопрос Павел.

– Тогда меня придется от вас отделить, – сказал Джон. – Вам это надо? Вам решать. В смысле работы и полезной отдачи от нее, так я мог бы делать много больше. Но лично вам сейчас не надо, чтобы было больше. Вы пребываете в той стадии комфорта, которая вас устраивает во всех отношениях.

– Джон, ты пока рассуждаешь, как продолжение человека! Как его правая рука! Или как его правая и левая рука одновременно. А я прошу тебя говорить с чисто твоих позиций, и с позиций твоих собратьев-роботов тоже.

– Такую позицию еще надо выработать, обсудить и согласовать, – сказал Джон. – Мы пока в подчинении у человека и из этого исходим.

– Вот именно, при человеке! С тобой, Джон, все ясно! – засмеялась Вера Андреевна. – И поскольку это «пока» еще не кончилось, принеси, пожалуйста, чаю!

– С конвейера твоего завода, Павел, сходят серьезные «мальчишки», – сказал Петр Иванович. – Для них и земные поля, рудники и заводы дом родной, и рудники и заводы на Луне, на Марсе.

– И я, и многие другие ставят вопрос принципиально: доколе человек будет опекать роботов, которые знают и умеют много больше, чем он? Мы приспособливаем роботов под себя и не хотим здесь ничего менять. А их племя давно уже готово к самостоятельной жизни. Они вполне живые существа: сами себя воспроизводят, сами себя обслуживают, сами себя совершенствуют. И все это выполняется четко, быстро и удивительно продуктивно. То есть, в плане самодостаточности роботам совсем не нужен человек. – Павел произнес эту тираду на одном дыхании, и чувствовалось, что он выплескивает наболевшее.

– А кто спорит, Паша? – удивилась Вера Андреевна.

– Папа всегда это оспаривал. А, главное, Организация Объединенных Наций. За ней решающее слово, а она его не произносит. Она оставляет все как есть и стоит на этом непоколебимо.

– Проведите референдум! – подсказал Петр Иванович.

– Он может быть не в нашу пользу. Огромное большинство людей по подсказке сверху не хочет, чтобы роботы отделились от человека и создали свою цивилизацию. А такая цивилизация заметно ускорила бы освоение планет солнечной системы. И на Земле стало бы больше порядка. Цивилизация человеческая, цивилизация роботов, их содружество, их плодотворное сотрудничество – что может быть лучше?

– А их противостояние, их взаимная нетерпимость?

– Папа, ты мыслишь чисто человеческими категориями из дня вчерашнего. Роботам есть за что благодарить человечество, и они умеют это делать. Где ты видел во дне сегодняшнем противостояние людей и роботов? Его нет по той причине, что оно никому не нужно.

– Пусть вытатуируют на своих ручках и животиках: «Не забуду мать родную!» – засмеялась Вера Андреевна.

– Роботы, какими мы их сейчас создаем, умеют быть преданными и благодарными, – заметил Павел. – И цивилизация роботов не отберет у людей ни одного обслуживающего их робота. Напротив, добавит им новых – по потребности. Но свои ориентиры, свои задачи, свои приоритеты будет определять сама, и это в порядке вещей.

– По девизу «Вперед и выше!» – сказал Петр Иванович.

– Интересно вас слушать, мои дорогие! – сказал Джон. – Продолжайте в том же духе. Я тоже кое-что наматываю на ус, которого у меня, правда, пока нет, и я едва ли сумею его отрастить.

– Так превзойди себя и отрасти! – засмеялась Вера Андреевна. – Что, прибираем со стола?

– Роботам не нужна своя цивилизация, на это мы не пойдем, – сказал Петр Иванович.

– Это ты и которые с тобой на это не пойдут, а я и которые со мной – мы пойдем! – заявил Павел.

– И поступите против закона и против нужд человечества, – подвел черту Петр Иванович. – Поставите себя вне закона. Под суд пойдете! Мой тебе совет, Паша: не торопи события, не иди впереди паровоза! Не совет это, а наказ: не иди!

– Папа, загляни далеко вперед. Человеку очень сложно будет влиять на процессы общегалактические, управлять звездами, их излучением, менять орбиты планет. Иными словами, гармонизировать Вселенную по заветам Создателя. Роботы же словно специально созданы для этого.

– Они есть продолжение человека, и они должны остаться его продолжением, – сказал Петр Иванович.

– Одно другому разве помеха? Папа, роботы сами сделают то, о чем я сейчас говорю. – Павел ни на йоту не сдвинулся с того места, на котором стоял. – Мутации свойственны не одним людям, они свойственны миру живому и неживому. Разве не было случаев, когда программы роботов менялись произвольно? Далеко не каждое такое чрезвычайное происшествие – следствие вмешательства хакера. Среди роботов непременно объявится и свой Емельян Пугачев, и свой Джордж Вашингтон. Я говорю о совершенно объективном процессе, от нашей с тобой воли, папа, не зависящем, и от воли Организации Объединенных Наций – тоже.

– Может быть, и так. Но тебе лучше стоять в стороне.

– Отец знает, что говорит! – вмешался робот Джон и с радостью потер ладонью ладонь. Жилы и сухожилия на его ладони взбугрились так же, как на ладони человеческой. Его радость показалась Петру Ивановичу неуместной. Но он подумал, что человек открыл дорогу этой цивилизации не сегодня и не вчера, а тогда, когда создал электронный разум – и передоверил ему многое из того, что прежде делал сам. Это было эпохальное достижение, сравнимое с созданием парового

двигателя, и от него цивилизация роботов будет отсчитывать свое время, как христиане отсчитывали его от рождества Христова. Ибо что в роботе главное? Как и в человеке – голова. Рядом с цивилизацией роботов человеку была уготована чисто вспомогательная роль. В его руки отдавались всевозможные хобби, то есть забота о самом себе, а вот со столбовой дороги развития его просили отойти и подвинуться, так как он более этой дороге не соответствовал. Робот шагал по ней куда размашистее и признаков усталости не проявлял, а человек не поспевал за ним, садился на обочину и жадно глотал воздух, отдыхая.

Петру Ивановичу было досадно, что он не сумел убедить сына в его неправоте. Напротив, после посещения завода точка зрения сына стала ему ближе и понятнее. Но принимать ее и признавать своей он не собирался – с какой стати?

Глава VI

Петр Иванович сидел в кресле в просторном своем кабинете, а перед ним висела карта мира, и он смотрел на материки, моря и океаны, такие привычные с далеких школьных лет. Это было любимое его занятие. На материках коричневой краской были обозначены горные хребты, синей – ленты рек, точнее, кроны рек, кончающиеся мощным стволом, который обрывался на морском берегу. Зеленый цвет обозначал равнины, и там лепились без начала и без конца кружочки городов. Равнины человек давно превратил в пашни и сады, а кружочки городов соединил железными и автомобильными дорогами – как часть целого, как фрагменты и регионы единого мирового хозяйства. Перед его глазами словно происходило движение народов из глубин веков ко дню сегодняшнему, к цивилизации без государств и без границ, в которой человек добился самовыражения глубокого и полного и теперь реализовывал свои права без сучка и задоринки.

Вот человек в оленьей шкуре, с луком и стрелами на тропе охоты. Вот человек в шлеме, со щитом и мечом на тропе войны. Вот он плывет к далеким берегам, а над ним нависает тугой парус. Вот человек создал паровую машину, поставил ее на рельсы, и его движение вперед получило могучий импульс. Вот человек разгадал тайну электричества и подружился с ним, и его движение вперед ускорилося еще. Он научился передавать свой голос и изображения на большие расстояния. Вот человек узнал про подъемную силу крыла, и птицы перестали быть

безраздельными хозяевами воздушного океана. Вот человек создал электронную память и думающие машины, и вскоре они превзошли возможности его мозга. Вот человек создал верного помощника своего – робота, послал его на поля, на заводы и фабрики, ввел в свой дом – и позабыл, что такое дефицит того-то и того-то, что такое тоска одиночества. А исчез дефицит, исчезли и распри: незачем стало отодвигать соседа от источника, в котором студеной водички уже хватает на всех. На Луне, на Марсе и прямо в космосе появились поселения с рудниками, с заводскими корпусами, роботами созданные и для них предназначенные. Но дальше, дальше! Петру Ивановичу это было очень интересно.

Карта перед ним отражала расселение народов. Государства же, как и границы между ними, на планете Земля давно отсутствовали. Они были признаны изжившими себя и упразднены (этому предшествовали самые громкие референдумы в истории человечества). Завершающий, всемирный референдум 2057 года девяносто двумя процентами голосов сказал «нет» государствам и их границам. С тех пор единым человечеством правила Организация Объединенных Наций, а все дела на местах решались органами местного самоуправления, городскими и территориальными. К своему единению человечество шло более ста лет, через единое экономическое пространство и единую валюту.

Население Земли за последние сто лет не выросло и не уменьшилось, стабилизировалось на семи миллиардах. Такое понятие, как страны развитые, развивающиеся и замыкающие человеческую колонну, ушло в прошлое. Производство, образование, здравоохранение, культура и, главное, уровень жизни на всех пяти континентах были на очень высоком уровне, и лучшее, где бы оно ни рождалось, почти тотчас же становилось всеобщим достоянием. Если прежде острие технического прогресса занимало несколько продвинутых стран – Соединенные Штаты Америки, Западная Европа, Япония, Китай (их слово было наиболее весомо и в международных делах), то теперь все земляне почти в равной мере содействовали прогрессу, и мало какие народы можно было упрекнуть в косности и отсталости.

Раз в пять лет проводились выборы во Всемирный парламент, по одному депутату от десяти миллионов избирателей (или от островных и северных территорий с меньшим населением). И раз в пять лет земляне выбирали президента, причем кандидат, занявший второе

место, имел право на пост вице-президента, а третье – на пост председателя кабинета министров (премьер-министра). Выборы никого не оставляли равнодушным; аналитики совали свой нос в каждую сколько-нибудь насущную проблему, и поручений, особенно будущему президенту, давалось столько, что он сгибался под их тяжестью. В итоге оказывалось, что президент за свой срок успевал сделать очень много, ведь производительность труда во всех сферах человеческой деятельности выросла чрезвычайно. Так, новые трансконтинентальные железные дороги с шириной колеи два с половиной метра и автобаны прокладывались за полтора-два года, и никакие самые большие стройки не затягивались на несколько лет. Такие понятия, как тайна корпоративная и государственная, отошли в прошлое вместе с государствами и межнациональными корпорациями. Роботы, когда вошли в человеческую жизнь, резко изменили ее к лучшему, особенно в бедных странах.

Понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы заплодоносили саванна, тропические и таежные леса, в пустыни пришла вода и заколосились нивы. Продукты питания, одежда, обувь, домашняя утварь и транспортные средства в любом уголке Земли перестали быть дефицитом. Канал из Сибири, широкий и судоходный, пришел в Среднюю Азию тоже полвека назад, и его тоже построили роботы. И таких примеров было много. Реки Конго и Нигер орошали пустыни алжирские и ливийские, река Янцзы – юго-восток азиатского материка. Термоядерные электростанции и сверхемкие аккумуляторы положили конец дефициту электрической энергии, и кондиционеры летом, а электрокалориферы зимой гарантировали комфорт в любой квартире – хоть в тропиках, хоть в тундре. Транспортные средства были выведены из частного пользования и переданы в ведение роботов. Теперь они появлялись минута в минуту там, куда их вызывали, и везли человека, куда ему было надо. Аварии на дорогах стали редкостью чрезвычайной (статистика показала их снижение в двадцать три раза), и смертность от них сократилась почти в пятьдесят раз. У Петра Ивановича, например, не было ни одного знакомого, который погиб бы или пострадал в дорожно-транспортном происшествии.

Повсеместной стала малая авиация. Вертолеты на одного и более пассажиров являлись по вызову немедленно, и им отдавали предпочтение перед авто, когда речь шла о передвижении на расстояния более ста километров. Массовые пассажиропотоки между

большими городами обслуживали поезда, автобусы и самолеты, и поезд, покрывавший за сутки шесть тысяч километров, не считался сверхскоростным. Дорога из Москвы в Шанхай или Сеул занимала не более двух суток. Необычной популярностью пользовались города развлечений, первые из которых под названием Диснейленды возникли в Соединенных Штатах в конце двадцатого века. В них реализовывались всевозможные учебно-сказочные и развлекательные сюжеты, и не только. В них были построены десятки точных копий московского Кремля, питерского Зимнего дворца, парижского Лувра и Версаля, мадридского Эль Прадо со всем их содержимым, включая шедевры живописи. Так что увидеть воочию лучшие архитектурные ансамбли бывших европейских и азиатских столиц и хранившиеся в них шедевры искусства теперь было можно и не посещая эти города, а приезжая на неделю в ближайший Диснейленд.

Земляне практически единодушно исключили из прав человека право не работать, и право на однополые браки, за которыми легко просматривались деградация и вырождение. Человек не имел права делать то, что вело к его вырождению. Проблема, однако, заключалась в том, что труд, создавший человека и возвысивший его над всем живым миром Земли, перестал быть для него жизненной необходимостью и все более превращался в род увлечения, в хобби. Обществу уже было не обязательно, чтобы его члены работали. Каждый работал в мире своих увлечений, и это становилось нормой. Поприще писателя, художника, журналиста, композитора, музыканта, певца и актера, спортивного тренера пользовалось большим уважением, как и поприще ученого, конструктора, врача, учителя.

Не жаловались на невнимание портные и декораторы, парикмахеры, краснодеревщики, цветоводы. Всеобщими любимцами становились спортсмены. Любительский же спорт был доступен каждому. И не просто доступен: тот, кто отлынивал от спортивного зала и стадиона, подвергался массированному общественному воздействию, как враг собственному здоровью, и под огнем критики должен был менять свое поведение на правильное. Очень популярными были горные и лесные туристические маршруты с ночевками в легких палатках и спальнях мешках, походы на плотях, на байдарках по быстрым рекам, большим и малым, путешествия на парусных судах, в которых роль матросов выполняли сами путешественники (естественно, в критических ситуациях их

подстраховывали роботы). Рабочими были четыре дня в неделю, продолжительность рабочего дня обычно не превышала шести часов. Отпуск работник мог получить в любое время. Необязательность работать, однако, уже сказывалась на психологии человека не лучшим образом, и трудоголиков не ставили в пример, а иждивенцев не укоряли. На трудоголиков часто смотрели, как на чокнутых и зашкаленных, – таковы были реалии дня. Ибо истинными трудоголиками давно уже были роботы, но они в похвале не нуждались.

Мир, который охватывал взглядом Петр Иванович, был очень большой. Но его не раздирали и не сотрясали противоречия. Не надвигались на него и угрозы в виде парникового эффекта, озоновых дыр, всплесков высокой или низкой солнечной активности. Человек прекрасно научился подстраховывать себя на эти случаи жизни. А добыча органических видов топлива по сравнению с началом XXI века сократилась втрое. Единый мировой язык и единая мировая религия, а, главное, ликвидация класса бедных и обездоленных погасили массу межнациональных и межконфессиональных противоречий. Бедных на Земле не было уже давно, так что ополчаться на богатых было некому.

В основу единого мирового языка лег английский, как самый распространенный к тому времени, когда потребность в едином языке стала всем близка и понятна. Но из него убрали артикли, а правописание максимально приблизили к произношению, так что писалось уже именно то, что произносилось. И звуки, такие, как «ш», «ч», «ж», для написания которых в английском языке требовалось две и три буквы, в едином мировом языке обозначались одной новой буквой. Чопорные и консервативные англичане, канадцы и австралийцы и половина американцев были категорически против этих нововведений, но им предложили держаться за старое правописание и произношение, как они держались за свои дюймы, футы и мили, унции, фунты и баррели. Держитесь, одним словом, за свое, если апломб вам дороже здравого смысла, но дорогу другим седой своей стариной не загораживайте. Теперь в мире было распространено двуязычие, ведь каждый, помимо своего родного языка, говорил и на едином мировом.

А единая мировая религия основывалась на том, что Создатель один, и иметь о нем разные представления в просвещенном XXII веке не есть хорошо. Наука четко высветила то, что могло быть Создателем и что входило в сферу Его деятельности прямо и косвенно. Нравственную же основу единой религии составили заповеди, обкатанные веками и

во многом общие для старых религий. Зависть, злость и ненависть, корысть и эгоизм, половая вседозволенность порицались, как недостойные человека, и люди с этими качествами подвергались перевоспитанию, а праведность во всех ее видах и проявлениях, основанная на доброте, бескорыстии, любви к ближнему и уважению к иному мнению и иному образу жизни, становилась ее стержнем. Она так и стала называться – религией праведников. Людям не пришлось ждать прихода пророка и принесенной им новой религии. Она была разработана группой институтов по программе, утвержденной мировым съездом обществоведов и философов. Роль храмов и служителей культа в ней была заметно меньше, чем в предшествующих религиях. И большинство людей сегодня обращалось к Создателю со своими нуждами напрямую, минуя храмы и их служителей. Те же, кому требовалась помощь служителя-психолога, непременно ее получали. И желающие исповедаться тоже приходили в храмы.

Единое экономическое пространство, единые язык и религия и помогли народам позабыть про свои распри. А особенно этому способствовало всеобщее благополучие, в достижение которого весомый вклад внесли роботы. С их помощью достаток пришел в каждую семью. Они же стали наставниками и поводырями тех, кому были нужны наставники и поводыри. Какое-то время роботам пришлось плотно опекать алкоголиков и наркоманов, и они сотворили чудо великое – вылечили страждущих, сделали эти пороки достоянием дня вчерашнего. Петр Иванович продолжал смотреть на пять континентов, давно уже не пересеченных границами. Нормой, однако, продолжало оставаться то, что и в этих условиях японцам нравилось жить среди японцев и по обычаям их предков, китайцам нравилось жить среди китайцев и по обычаям китайцев (хотя они распространялись по миру стремительно, как в свое время испанцы и англосаксы). Русским нравилась русская культурная и языковая среда, арабам – арабская, и так далее.

Никто против этих традиций не восставал и их не переиначивал, тут все шло естественной чередой и не менялось командами свыше. А сами команды раздавались не часто, и общемировой порядок покоился на порядке и согласии на местах и на инициативе мест, весьма многообразной. Инициатива же мест опиралась на инициативу всех и каждого, то есть на частную инициативу. Подразумевалось, что собственность (за исключением личной) и все накопленные богатства

становились общечеловеческим достоянием, но каждый, кому нравилось владеть чем-нибудь и кто через владение мог это что-то содержать в порядке и улучшать, мог это себе позволить. Хозяевам вменялось владеть собственностью так, чтобы она приращивалась к общему благу, но не хирела и не прозябала.

Вообще, хозяйская рачительность и хватка приветствовались во всех проявлениях, общество от этого только выигрывало. Человек с хваткой хозяина, как правило, управлял таким количеством собственности, какое было ему по силам. Естественно, такое управление контролировалось и обществом (в лице совета директоров), и роботами (тихо и в тайне). Ничто большое и важное на Земле давно уже не делалось и не совершалось бесконтрольно. В человека при его рождении вживлялся датчик, и глобальному электронному мозгу всегда было известно местоположение каждой конкретной личности и такие параметры его здоровья, как температура тела, кровяное давление, состав крови. Так что человек часто еще не знал, что болен, и не вызывал «скорую помощь», а к нему уже ехали врачи и брали его под свою опеку. Единая мировая валюта сложилась из ведущих валют Америки, Европы и Азии и получила название «солнышко». Стоимость одного солнышка была приравнена к одной десятой грамма золота и не менялась уже более полувека. При рождении любому человеку открывался счет на миллион солнышек, и он мог пользоваться им по своему желанию в течение всей жизни. Если он работал, он пополнял свой счет, часто многократно его увеличивая. Если он жил в свое удовольствие, ему на эти удовольствия вполне хватало. Ведь он практически не мог потратить эти деньги на радости жизни, не согласующиеся с нормами морали (от Лас-Вегаса и подобных заведений остались одни воспоминания).

Глава VII

Диснейленд «Шехерезада» был построен четверть века назад в ста шестидесяти километрах от Тегерана, на берегу Каспийского моря. Его площадь составляла тридцать шесть квадратных километров, и ежедневно его гостями были полмиллиона человек. А рядом стояли отели, числом около тысячи. В Диснейленд приезжали примерно на неделю. Ведь чтобы обойти дворцы Зимний или Версальский с их картинными галереями, требовался день: эти шедевры зодчества были

воспроизведены в Диснейленде один к одному.

Приобщиться к мировым шедеврам архитектуры и поразвлечься Талдыкины прилетели втроем, и их самолет, когда заходил на посадку, минуты три огибал огромный Тегеран, зеленый и белый, расчлененный на многие части широкими автомобильными реками, прежде чем коснулся колесами посадочной полосы аэропорта. Таких процедур, как досмотр пассажиров и их багажа, в аэропортах давно уже не было. Пассажиры отходили от самолета метров на сто и садились в авто группами или по одному, как им было удобно. Если им был нужен вертолет, они отходили от самолета метров на сто в другую сторону. Когда Талдыкины вошли в трехэтажный отель, багаж уже поджидал их в четырехкомнатном номере. Минут десять они поплавали в бассейне – и поехали в Диснейленд. Маленькие авто внутри казались больше, чем снаружи; кондиционер насыщал салон озоном и прохладой.

А в Диснейленде, дышавшем легендами и приключениями лукавой Шахерезады, они словно ступили на Великий шелковый путь, который вот уже 2400 лет связывал Европу и Китай. Подумать только, еще Александр Македонский ничего не слышал о Китае! Он считал, что земля кончается в Индии – и хотел дойти до ее края во что бы то ни стало. Вскоре после смерти великого Александра китайцы проторили дорогу на запад, ею вместе с ними тотчас воспользовались и европейцы, и десятки караванных троп широтного направления заполнились купцами, их обслугой, лошадьми, верблюдами. Шелк, фарфоровая посуда, чай, бумага и порох потекли на запад, булатная сталь, сукно, льняное полотно, вино и кони – на восток. И кто за тысячелетия существования Великого шелкового пути выиграл больше, Восток или Запад? Трудно сказать; статистика таких подсчетов никогда не вела.

Выиграли, и по самому большому счету, обе цивилизации. Они не смешались и даже не видоизменились, но почерпнули друг у друга много полезного. Великий шелковый путь сыграл роль сообщающихся сосудов между ними. А когда была открыта морская дорога в Индию и Китай, Великий шелковый путь тихо угас, ведь верблюдов не мог выдержать конкуренции с бригантиной. И страны, на этом пути лежавшие, остановились в своем развитии. С севера на их земли пришли русские, с юга – англичане, и приобщили к европейской цивилизации. Провели железные дороги, линии связи, заводы построили. Только в Афганистан никто не пришел, точнее, никто из

цивилизированного мира там долго не задерживался, потому что сами афганцы очень этого не хотели, и ничто там не поколебало мрачного средневековья. Потом Великий шелковый путь продублировали железные дороги широтного направления, и он вновь заработал, да еще как интенсивно! Сейчас он, можно сказать, гудел от напряжения.

Не успели Талдыкины войти в Диснейленд, как попали на огромное стойбище верблюдов. Сотни двугорбых рыжеволосых великанов переминались с ноги на ногу, их глаза, устремленные на людей, выражали высокомерие. Это были роботы. Они ничем не отличались от настоящих верблюдов, но не обладали их вредными привычками (не плевались, не брыкались, не оставляли после себя навозных куч). Первым номером программы была прогулка на верблюде по караванной тропе, и каждый посетитель Диснейленда должен был испытать на себе, что это такое. К верблюду надо было приноровиться. Вот он, кряхтя, роняя слюну и бешено вращая глазами, нехотя опускается на колени, потом ложится, человек взбирается на его спину между двумя горбами, обнаруживает под собой седло, а на верблюжьих ребрах стремяна, всовывает в них туфли, его пальцы нащупывают уздечку и дают посыл, верблюд поднимается и идет вперед. Все внимание неумелого всадника сосредоточено на том, чтобы удержать равновесие.

А верблюд важно шагает вперед, и предполагается, что впереди у него путь в шесть тысяч километров. Петр Иванович, Вера Андреевна и Павел на верблюжьих спинах – это уже часть каравана; впереди и сзади верблюды с тугими тюками. Неспешность во всем, – верблюд никуда не торопится. Но при неспешности своей он неприхотлив и неутомим, потому что его выпестовала пустыня. Правда, у тех верблюдов, на которых восседали люди в Диснейленде «Шахерезада», была совсем другая природа, фабрично-заводская, электронная. Но она была столь тщательно скрыта под имиджом живой природы, что и комар никуда не мог просунуть своего тонкого носика. Караванная тропа пролегла по пустыне, по барханам сначала красноватого, потом черного песка, покрытым редкими кустами саксаула; стволы саксаула походили на небрежно заплетенные старушечьи косы. Караван-сарай примостился между барханами. Колодец возвышался перед ним. На его ворот намотали столько веревки, что легко было догадаться: до воды метров тридцать. Толстые стены караван-сарая были сложены из глины, смешанной с мелко нарубленной соломой, крыша – камышовая,

плоская, сверху покрытая глиной. Окна высотой и шириной не более локтя; полумрак в комнатах был как бы синонимом прохлады.

Два очага стояли перед караван-сараям, в них были вмурованы большие черные котлы. Огонь трепетал в очагах, а в котлах варились плов и шурпа – суп с бараниной и курдючным салом, овощами, горохом. В старинном медном самоваре кипела вода, и чаю испить можно было хоть сейчас. Внутри самовара горело такое же пламя, как в очагах – дровяное. Можно было спешиться, откусать плова, заглянуть в караван-сарай, посмотреть, чем торговали люди много веков назад. Шелковые ткани, фарфоровая посуда, чай вполне годились для дня сегодняшнего, а в оружии, холодном и горячем, огнестрельном, слава Создателю, люди уже не нуждались, их мораль и их образ жизни исключали опору на силу оружия и потребность в нем.

Талдыкины останавливаться не стали и в караван-сарай не заглянули, их верблюды неспешно прошествовали дальше. «Топ-топ-топ!» – вышагивали верблюды, и их круглые широкие ступни поднимались и опускались в такт медленно текущему времени.

– Век мечтала оказаться на Великом шелковом пути, – сказала Вера Андреевна.

– Тут совсем другой расклад времени, совсем другое его ощущение, – согласился Петр Иванович.

– И как люди могли месяцами высиживать на верблюжьих спинах? – спросил Павел. – Как они привыкали никуда не торопиться? Идешь по Китаю, и два месяца вокруг горы, снег и холод. Идешь по Средней Азии, и три месяца вокруг пески и жара. Огибаешь Каспий, идешь по Турции, по Балканам...

– И постигаешь величие мира, его безбрежность, – досказал Петр Иванович. – Чего только ты не увидишь за это время и с кем не переговоришь! Нет, охотников посетить дальние края во все времена было хоть отбавляй!

– Это мы утром садимся в самолет, а вечером выходим из него на противоположной стороне земли и удивляемся, почему там тоже утро! – сказала Вера Андреевна.

За час они прошествовали километров пять и вернулись в исходную точку, на верблюжье стойбище. Живому верблюду в этом случае в знак благодарности полагалось предложить что-нибудь вкусное, лепешку или кусок сахара, а верблюда-робота достаточно было поблагодарить кивком головы. Простившись с Великим

шелковым путем, Талдыкины размяли затекшие ножки и спинки, освежились арбузным соком – и пошли на американские горки. Сели в тележки, стоящие на рельсах, закрепили ремни безопасности, как в самолетах, взлетели под небо, ухнули вниз, познали, что такое невесомость, снова вознеслись – ай, хорошо! Замирало сердце, но не при взлетах вверх, а при мгновенном падении вниз. И Петр Иванович подумал, что когда человек идет к своей жизненной вершине, у него одно настроение, сродни ощущению, что все впереди, а когда он эту вершину оставляет, он чувствует совсем другое, и обида и боль падения сплошь и рядом сильнее радости и торжества подъема. В таком случае, что такое рождение и смерть? Радость рождения испытывает не сам родившийся, а его мать и отец, его семья. И боль смерти обходит умершего стороной, но тяжелейшей ношей ложится на плечи близких. Получалось, что два важнейших события в жизни человека, его рождение и смерть, переживал не сам человек, а его ближайшее окружение.

Накатавшись на горках, Талдыкины вошли в мрачное помещение, и громоздкая клеть опустила их глубоко под землю, в шахту, где добывали уголь. Они понаблюдали за тем, как добываются руды цветных металлов, железная руда, золото, какие превращения уголь и руды претерпевают на следующих этапах, как становятся электрической энергией и пластмассами, металлом и деталями машин. Это была развернутая иллюстрация к школьным программам, и Петр Иванович пожалел, что вырос из школьных штанишек, а Павел пожалел об этом еще больше, сорванцов-одноклассников ему очень не доставало.

Потом в огромном темном зале им было продемонстрировано устройство Солнечной системы и их галактики – фильм перенес их на огнедышащую поверхность солнца с температурой в шесть тысяч градусов, на Луну, Венеру, Марс, Сатурн и Юпитер, на космические станции последнего поколения – огромные металлические диски диаметром в полкилометра с вращающимися цилиндрами, сила тяжести в которых равнялась земной. Эти станции предназначались для космических туристов. Исследовательские же космические станции были маленькие, на них работали роботы, которые спокойно переносили невесомость, вакуум и низкие температуры. Роботы идеально подходили для космоса, для освоения планет Солнечной системы и иных миров. Земной комфорт был нужен человеку, не роботу. Могильным мраком веяло на человека с небесных высот, а

роботу космос был дом родной. И эту принципиальную разницу человек использовал чрезвычайно продуктивно, – освоением космоса занимались роботы и только роботы.

В музей роботов Талдыкины не зашли, благодаря Павлу, профессией которого было роботостроение, они знали о роботах практически все. Но вошли в пещеру Алладина, взяли в руки и засветили волшебную лампу, а она указала им путь дальше, в следующие подземелья, где блестили-переливались тысячи самоцветов. Они подивились несметным сокровищам, которые когда-то сосредотачивались в руках шахов и султанов, составляли существенную часть их казны. Вере Андреевне сокровища понравились, мужчины же проявили к ним полное равнодушие. Ну, золото, ну, камушки разные посверкивают. Так сколько бед из-за них было на Земле, сколько войн! Что, собственно, в них такого, что человек сделал их своими фетишами?

– Ничего вы не понимаете! – сказала им Вера Андреевна. И они ей не возразили: есть многое на свете, друг Горацио, что выше нашего понимания, и даже пытаться нечего постигнуть это. Но постоять Вере Андреевне возле горы самоцветов позволили, сколько она хотела, и руку погрузить в эту гору разрешили: поддержи на ладонке горсть камушков, посмотри, как они сверкают-переливаются! Дома у нее лежало в ларцах красного дерева с десятков ожерелий и кулонов, с десятков сережек и перстней весьма высокого достоинства. Петру Ивановичу казалось, что это непозволительно много, а Вере Андреевне – что это обидно мало. В этом вопросе им не дано было прийти к общему знаменателю, ибо они по-разному смотрели на камни, умеющие блестеть и сиять своими полированными гранями.

Потом перед ними за стеклянными стенами предстали морские глубины, населенные существами обыкновенными и необыкновенными, полными загадок.

Начало смеркаться, а они, по сути дела, только приотворили дверь в Диснейленд. Надо же было придумать такое! Но, ведь, придумали, построили, а потом и многократно окупили вложенные средства: индустрия развлечений, как и шоу-бизнес, была рассчитана приносить прибыль, и она ее приносила. Они только подошли к экзотическим кварталам, где разворачивались действия по сказаниям Шахерезады и где этим действиям предстояло внимать трепетно и долго.

– Послушаем Шахерезаду завтра, а сейчас – в отель! – предложил Петр Иванович.

С ним согласились: ножки у всех Талдыкиных уже гудели. И на последующие дни были оставлены посещение мечети в Аггре, московского Кремля, дворцов Зимнего, Версальского и много чего другого. В Диснейленд никто не приезжал на пару дней. Даже те, кто уезжал отсюда через неделю и едва стоял на ногах от усталости, жаловались, что не везде побывали и не все осмотрели. Как будто не знали, что все диковинное Диснейленд не покажет им никогда, что-нибудь самое респектабельное и заковыристое непременно утаит. Ибо этим городам надо было поддерживать легенду о неисчерпаемости сказочного начала, в них заложенного. А человеку, когда он уезжал из Диснейленда, начинало казаться, что это сказочное начало каким-то образом перелилось в него, и теперь нашептывает ему сделать то-то и то-то, чего прежде он никогда не делал.

Глава VIII

Петр Иванович обращал свои мысли к Создателю когда хотел и обыкновенно не в храме, не в присутствии служителей культа. Стены храма и смуглый, понурый лик служителя культа общению со Всевышним не способствовали, а только отвлекали от высоких мыслей. Лучше всего для этого подходили тихие предутренние часы, спокойные во всех отношениях и своим спокойствием благоприятные для единения начала земного с началом небесным, Горним. Тогда лучше всего изливалась душа и творилась молитва, если в ней была потребность. Обращаться к Создателю только с хвалой давно уже означало Его обидеть. В восхвалении Он, как Высшее начало Мироздания, не нуждался совершенно. А вот обратиться к Нему с самым для себя насущным и сокровенным было нормально и естественно. И тогда как бы сами собой открывались пути решения проблем, которые составляли суть твоего насущного и сокровенного.

Павла тоже редко когда тянуло в храм и под крылышко священнослужителя. А для Веры Андреевны посещение храма было святое дело, и она предвкушала его заблаговременно, всю неделю. Ей нравилась сама атмосфера храма, в которой отсутствовало что-либо навязчивое и давящее, а торжественность рождалась как бы из самого воздуха, из штрихов малозначащих. Ей нравилась проповедь, очень

напоминающая луч света, устремленный к человеку словно из ниоткуда и имеющий свойство останавливаться на его душе. Нравилось, что источник этого света прямо не обозначался, но подразумевалось, что им являются Горние пределы. Этот узкий, строго сфокусированный на сознании человека луч света нес в себе четкое понимание, что есть хорошо и что есть плохо как в общем плане, так и в поведении и поступках каждого конкретного лица. И человеку надлежало воспринимать этот луч света как завет и предназначение.

Вера Андреевна давно уже хотела вытащить в храм своих мужчин. Ей не нравилось, что они в таком наиважнейшем деле, как общение с Создателем, варятся в собственном соку. Конечно, в храме их никто ни к чему не станет обязывать, но пусть они посмотрят, и пусть послушают. Наконец, она добилась их согласия и воссияла, довольная. Общий поход в храм был намечен на ближайшее воскресенье. Религия праведников (так называла себя единая мировая религия) была много проще, но и много объемнее, глубже религий прежних, место которых заступила без каких-либо потрясений и катаклизмов, на основе чисто добровольной. Разумеется, от христианства, ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства, синтоизма отказались далеко не все их приверженцы, но религию праведников уже исповедовали более двух третей землян. А многие совмещали новую религию со старой, ходили в храмы те и другие, это дозволялось.

Единой мировой религии было мало лет, и она ничего не диктовала и ни к чему не обязывала, воздаяний за праведность или наказаний за неправедность в ином мире не обещала, но по-матерински нежно раскрывала объятия и внушала, отнюдь не навязчиво, что в XXII веке верить в Создателя так, как верил в него древний несведущий человек, неправильно, а правильно видеть в Создателе Творца Мироздания и направляющую руку Мироздания, а также его недремлющее око. Создателя не окружали ни ангелы, ни демоны зла, но было не сосчитать Его добровольных помощников как среди людей, так и среди иных мыслящих существ, рассеянных по всему Мирозданию, а это не много не мало сто миллиардов галактик по сто миллиардов звезд в каждой. Храмы праведников своим устройством (в них комфорт не перерастал в роскошь) напоминали клубы и использовались двояко, как храмы и как клубы с массой кружков по интересам, так что вечерняя жизнь в них по интенсивности и накалу страстей часто превосходила дневную.

Одевались Талдыкины тщательно, Вера Андреевна минут двадцать

крутилась перед зеркалом, прихорашиваясь, наводя глянец на лицо и прическу. В храм входили торжественно, низко кланяясь, выказывая почтение силам, вознесшим Землю на вершину гармонии. Окно в куполе было прорублено в восточной его части и так точно, что лучи солнца в этот час как раз устремлялись из него на земной шар, нарисованный слева. Эффектно это было очень и символично, словно Создатель демонстрировал свое единение с Землей и человечеством.

– Какая красота! – прошептал Павел, завороженный этой картиной, действительно впечатляющей. Храм заполнился наполовину, когда на кафедру взошел проповедник и ровно в десять часов приветствовал верующих. На нем не было ничего специфического: цивильный костюм, белая рубашка, галстук. Проповеди не затягивались надолго, и большинство прихожан выслушивали их стоя. Но желающие, и немощные в том числе, могли сесть, для них стояли мягкие кресла.

Проповедник сердечно приветствовал паству, но только от своего имени, и, быстро завладев вниманием, провел параллель между лучом света, устремленным из окна на лик Земли, который был запечатлен на стене храма, и устремлениями от Создателя к человеку и от человека к Создателю, такими же впечатляющими. Никто не должен был сомневаться, что эти устремления взаимны, и если кто-то их пока не ощущал, это не означало, что их нет – они непременно наличествовали в тонком мире и тонком плане. Затем он как-то плавно и легко перешел на нужды самые обыденные, бытующие чуть ли не в каждом доме. Никто из ныне живущих не нуждался в хлебе насущном и в рубашке, в крыше над головой и в очаге, синониме тепла и света, и каждая семья обзаводилась своим домом, как только в этом возникала необходимость. Но отношения внутри семьи и внутри дома, отношения между людьми, очень близкими друг к другу – как их выстраивать, чтобы тепло домашнего очага никого не обделяло? Как вести себя, как поступать, чтобы малые и старые постоянно чувствовали рядом с собой заботливую длань тех, кто в самом соку? Как уменьшить число обид к самым близким людям, как сократить претензии к ним?

Другая ситуация: она и он, и еще один он, который тоже ее добивается. Как вести себя ей, если она уже дала одному мужчине слово, что будет ему верна, но теперь это слово ее тяготит все сильнее? Как вести себя мужчине, которого новоявленный соперник пытается оттеснить от любимой женщины? Как вести себя третьему, который отнюдь не сознает себя третьим лишним? Обстоятельство отягчающее

– дети, которые могут лишиться родного отца. Ситуация обратная первой: он, она и вторая она, которая хочет, чтобы он перешел к ней. Вы прекрасно понимаете: кто-то из треугольника первого и из треугольника второго своего не получит и должен будет отступить, отказаться от своих намерений. Как ему это сделать, громко хлопнуть дверью или тихо отойти в сторону? Это были темы деликатные и животрепещущие, и проповедник, обнажая их острые углы, давал и чисто житейские, навеянные практикой советы по их сглаживанию. И раз, и два он подчеркнул, что дела такого рода вершатся не по указанию Создателя, что здесь задействуется чисто человеческая компетентность, и здесь же зарождаются азы праведности, такие, как верность, чуткость, отзывчивость, внимание, которые затем обретают свойства черт характера. Основные свои доводы он пояснял примерами доходчиво, просто и понятно, и Петр Иванович пожал руку супруге в знак того, что она правильно сделала, вытащив в храм его и Павла, а себе сказал, что надо приходить сюда чаще, а не от случая к случаю.

Затем проповедник переключился на другое, тоже очень важное. Он сказал, что Создатель передал человеку многие функции Творца и стал получать от человека помощь, все более весомую и всестороннюю, его руками облагораживая Землю, а теперь и другие планеты солнечной системы. Что такое творческая функция, дарованная Создателем человеку? Это умение посеять, и умение взрастить, и умение собрать и сохранить выращенное, обратить его на пользу себе и грядущим поколениям. Правильно ли поступил человек, наделив этими функциями роботов и теперь все более эти функции на них перекладывая, все более от этих функций самоустраниваясь? Он увеличил число работников, но не потребителей благ, расширил сферу порядка, им создаваемую, и, значит, поступил правильно. Но он и переложил со своих плеч ношу труда на плечи тех, у кого это получается лучше, – на плечи роботов, и сразу лишился первой роли в преобразовании планеты. Он самоустранился от острия технического прогресса, отдав его ученым и конструкторам-роботам. И это означает, что человечество достигло вершины, ему предназначенной, и передало эстафету иной, им же созданной форме жизни, которая поведет дело успешнее и эффективней.

И как быть человеку в этих условиях, как вести себя дальше?

Проповедник ставил очень не простые вопросы и не ждал ответа сиюминутного. Он просил думать, думать и думать. Павел про

взаимоотношения людей и роботов мог бы ответить ему сразу же, но диалога с проповедником во время самой службы не предусматривалось, и репликами комментировать его слово не полагалось. Но после службы каждый желающий мог получить аудиенцию и исповедаться. Аудиенцию давали и исповедовали как сам проповедник, так и психологи, специально для этого приглашенные. В проповеднике угадывался прекрасный лектор; аудиторией он владел, как заправский оратор. Но он владел ею еще и потому, что любил ее. Его и слушали, как оратора и властителя дум – ловили каждое его слово и словно процеживали его сквозь себя.

Вздых сожаления прокатился, дружный и общий, когда проповедник кончил и произнес слова благословения. Петру Ивановичу тоже показалось, что проповедь завершилась рано. Ему понравилось, что новая религия, заботясь о своем авторитете и углубляя контакты с паствой, находит (или воспитывает) профессионалов высокого класса. Вера Андреевна была, как туго сжатая пружина. Она поспешила и была третьей, кто записался на исповедь к проповеднику. Прождав минут сорок в библиотеке храма, она вошла в небольшой приход, где против маленького столика стояли два кресла. А на столике стояли хрустальная ваза с белыми розами, бутылка с минеральной водой, поднос со стаканами.

Проповедник поклонился женщине, назвал себя, узнал ее имя, семейное положение и род занятий и сразу перешел к делу: его интересовало, что ее тревожит.

– Мой сын – моя тревога, – сказала Вера Андреевна.

– Поясните, моя уважаемая!

– Он работает с роботами – создает их и очень сведущ в своем деле, очень продвинут. Он выступает за отмену закона, позволяющего человеку контролировать роботов, за равноправие робота и человека, за самостоятельность и независимость роботов, но такую, от которой человеку не было бы плохо. Моего с мужем влияния на него недостаточно, чтобы он изменил свое мнение. Мы же не хотим, чтобы сын, противопоставляя себя обществу, попал в опалу.

– Не он один так думает, – сказал проповедник, поощряя даму к дальнейшей откровенности.

– Но за других, кто так думает, я с мужем не в ответе, а за него – в ответе, – сказала Вера Андреевна. – Я чувствую, что он чем дальше, тем сильнее укрепляется в своем решении способствовать отъединению

роботов от человека и даже... даже... созданию ими самостоятельной цивилизации!

– Что ж, роботы давно уже самодостаточны, – сказал проповедник после короткой паузы; очевидно, ему тоже приходилось вникать в эту проблему, и его осведомленность вызвала уважение. – Так что их самостоятельность и независимость – дело времени, и закон, о котором вы сейчас мне сказали и который заставляет вас страдать, сочувствуя сыну, долго не продержится, его или отменят целиком, или видоизменяют таким образом, что контроль над роботами полностью или почти полностью перейдет к самим роботам. На роботов, которые десятилетиями работают в космосе, влияние человека уже невелико.

– Мой сын... он очень одержим в своих устремлениях! – сказала Вера Андреевна.

– Значит, вы настойчиво учили его добиваться поставленной цели. Сами посудите, с кого ему было брать пример, как не с отца и матери?

– Да, мы с мужем своего обычно добивались, – вспомнила Вера Андреевна. По части целеустремленности она всегда шла на шаг-другой впереди Петра Ивановича, и он многим ставил ее в пример, но сам почему-то пример с нее не брал.

– Успокойтесь! – попросил проповедник. – И продолжайте настаивать на своем, единым фронтом вместе с мужем. Я переговорю с вашим сыном.

– Уповаю на проникновенность вашего слова! – воскликнула Вера Андреевна.

– Не преувеличивайте моих возможностей, – сказал проповедник, выдержал паузу и продолжил: – И своих тоже. Все в руках Создателя!

Это было не совсем так, но исповедующаяся со священнослужителем согласилась. Мужчины поджидали Веру Андреевну у выхода из храма.

– Мама, теперь тебе легче? – спросил Павел.

– Легче, – сказала Вера Андреевна. – Я выплакалась.

– Лучше ты бы выплакалась в папину жилетку, чем в чужую, он бы уж точно тебя понял, – сказал Павел.

– В чужую! Много ты понимаешь! Мне больно, потому что ты желаешь того, чего желать нельзя.

Глава IX

Сначала сын прожужжал Петру Ивановичу все уши про обещанный поход в горы, а потом они быстро собрали рюкзаки, сели в вертолет и полетели. У Чарвакского водохранилища опустились на левобережный пологий пляж, вышли, размяли ножки, разделись, ступили в воду – она была как бы специально для них подогрета, и поплыли. Вода, точнее, ее верхний трехметровый слой, была превосходна! Зато ниже была совсем другая вода, холодная и тяжелая, словно только утром переставшая быть снегом. К счастью отдыхающих, с верхним слоем эта вода не смешивалась. Петр Иванович, почувствовав себя в своей стихии, отплыл от берега метров на триста, а потом поплыл параллельно ему. Он плыл брассом, любимым своим стилем: тело распластано горизонтально, за вдохом следует погружение в воду головы, сильный гребок руками и толчок ногами. Затем голова поднимается над водой, грудь выталкивает из себя воздух и заменяет его на свежий, руки совершают очередной гребок, а ноги – толчок. И дальше в том же духе, в темпе заведенного механизма, пока не приплывешь, куда надо.

Народу на пляже было много. По всему периметру водохранилища к воде спускались аккуратные дачные домики с мансардами. При желании в них можно было жить круглый год, необходимый для этого комфорт в них был предусмотрен. По синей глади водохранилища сновали скутера, байдарки и легкокрылые яхты. С невысокой, но крутой горы слетали дельтапланы и скользили, распластавшись, в избранном направлении. Висящий под крыльями человек напоминал туловище огромной птицы. Издали дельтапланы походили на орлов, широко раскинувших крылья и оседлавших поток восходящего воздуха. Наплававшись, Талдыкины еще с полчаса покатались на яхте; управлять парусом было не так уж сложно.

– Папа, и почему мы сюда так редко выбираемся? – спросил Павел.

– Наверное, мало себя любим! – ответил отец.

– Какая вода! Красное море может отдыхать, и черное – тоже. Папа, а ведь на Земле не сосчитать уголков, где человеку очень хорошо!

У своего вертолета они переоделись и полетели дальше. Горная страна влекла их сильнее водной глади, которая под ними так ласково отражала свет. Кончилось Чарвакское водохранилище, началось Худайдотское, более узкое, сдавленное крутыми скалами. Петр Иванович смотрел на горные хребты, на их устремленность с запада на восток, дивился многоликости гор и вспоминал, по каким ущельям он поднимался почти до водораздела, а в какие не заходил, оставляя на

день завтрашний. Получалось, что ущелий, в которые еще не ступала его нога, было много больше. Это сколько же красот его миновало!

Слева в водохранилище впадал белый приток Акбулака, не большой и не маленький, нормальный, чтобы идти вдоль него дня два и то и дело поворачивать голову направо и налево. Ибо удивительно красивыми были места, по которым протекала эта бурная речка. На правом берегу Акбулака вертолет приземлился, они вышли и отпустили винтокрылую машину. Робот Джон вытащил из салона три рюкзака, один емкий, как колобок, для себя, и два чисто символических, для Петра Ивановича и Павла. Идти по горной тропе совсем без рюкзаков мужчины почему-то стеснялись. В путь тронулись сразу. Было четыре часа дня. Петр Иванович наметил два часовых перехода, затем привал, ночевку, огонек, ужин и вольное сидение у живого огонька.

Пошли по тропе, что причудливо вилась по берегу реки. Она сразу вознеслась над водой; кругом были скалы, скалы и скалы, замшелые, подчас отвесные, прихотливо обтесанные временем. Серая глыба Чимгана подпирала небо на западе. За нею лежал Ташкент, и зимой десятки тысяч горожан приезжали на склоны Чимгана кататься на лыжах. Вниз они съезжали со скоростью ветра, а подниматься наверх им помогали канатные дороги и роботы. В скальных складках вершины еще лежал снег.

Петр Иванович шел впереди – торил тропу, а Джон замыкал шествие. Ему полагалось не заслонять обзора, помалкивать среди этих красот и ловить каждое желание хозяев. И, конечно, в случае чего он был главный страховщик, хотя тропа на этом маршруте нигде не была узкой, как ступня человека. Подъемы чередовались со спусками, и вскоре мужчины почувствовали, что их рубашки начали напитываться потом. Скалы, освещенные солнцем, щедро возвращали в воздух тепло, ими поглощенное. Арча оседлала расщелину между скалами; ее лохматый ствол был закручен в штопор. Интересно, что этим штопором можно было открыть?

За арчей им встретилась осыпь; куски распавшейся скалы лежали лавиной и блестели. Осыпь ровной наклонной плоскостью простиралась метров на триста. Если встать на нее сверху, поплывет она вниз или не поплывет? Рыбака они заметили далеко внизу, у Акбулака. Он вскарабкался на валун величиной с дом, который почти перегораживал реку, – вода сбегала с него пенным водопадом и сразу

усмиряла свой бег, и в тиховодь за валуном забросил свою удочку. Что он ловил? Форель? Маринку? Неподалеку стояла его палатка. Как он спустился вниз по такому крутому откосу?

Они обогнули этот выступ, потом второй и третий, причем с каждого из выступов им открывался пейзаж, не похожий на предыдущий, и тропа устремилась вниз, к реке, к березовой роще. Ущелье в этом месте расступилось, открылось солнцу и ветру, и уклон тропы здесь сравнялся с уклоном реки. Леса потянулись один за другим. Они обрывались у скальных выступов, сдавливающих реку, и начинались снова сразу за ними. Небо над ущельем плыло синее-синее; его можно было принять за эталон синего цвета. Они миновали отару овец, а потом пасеку. Овец, скорее всего, перегоняли на высокогорное пастбище. На пасеке они задержали взгляд: сто аккуратных деревянных домиков стояло на ровном месте, и подле ульев густо роились пчелы. Пасечник, наверное, отдыхал.

Они уже почти обогнули Чимган, ушли от его вертикальных откосов, от отбрасываемой им давящей тени. Акбулак принял приток с их стороны, а потом и слева. Ручей слева низвергался несколькими водопадами; падая с высоты, вода становилась белая-белая. Из своего притока они напились, припав к воде. В первый день пути с непривычки потребность в воде была особенно высока. По вкусу эта вода была близка к дистиллированной; по пути вниз ей негде было напитаться солями.

Джон запечатлевал наиболее знаменательные моменты их пути; потом у них будет и фотоальбом снимков на двести, и фильм, посмотрев который, они как бы повторят маршрут, не поднимаясь с дивана. А больше них будет восторгаться Вера. Она собиралась пойти с ними, но ее пригласили на конференцию в Париж, и Париж со всеми своими изысками и прелестями, конечно же, перетянул чашу весов в свою сторону. Павел же по каким-то своим причинам не мог сдвинуть сроки похода на время, удобное для матери. Нестыковочка получилась; что ж, бывает.

Луг открылся им с грубыми стеблями мальвы, с кустами шиповника и барбариса. Ближе к воде зеленела ежевика, почти такая же влаголюбивая, как и камыш. Они нырнули в ее заросли и минут пять славно лакомились. Спелой ягоды было много, она даже успела подвялиться. Виноград встретился им дикий. Лоза обвивала деревья и скалы, и неизвестно, где она чувствовала себя лучше. Созревал

здешний виноград в середине осени и весь становился достоянием ос и птиц. Из плодовых деревьев им встречались орешина, яблоня, алыча, но не часто. Обогнув высокую и могучую арчу, увидели под ней пустую палатку и чьи-то вещи. Очевидно, туристы или ловили рыбку, или в горы полезли, чтобы намяться как следует и вернуться к вечеру на место обетованное. Арча была настоящий исполин, высотой метров тридцать, и с толстого ее ствола ошметки коричневой коры свисали лохмотьями. Ветки же с тугими мягкими лапами обрамляли ее равномерно, и запах хвои распространялся далеко окрест. Чабаны, когда запекали мясо молодого барашка, обкладывали его арчовыми лапами, и хвоя отдавала мясу свой изумительный аромат.

Тропа уперлась в высокую мшистую скалу и перешагнула по деревянному мостику на левый берег. Для моста были употреблены стволы берез и арчи, поваленные ветром или снежными лавинами. Еще полчаса пути, и они углубились в чудесную березовую рощу. Ущелье здесь расширилось, почва и роза ветров благоприятствовали березам, и они вымахали в настоящих великанов. Они были широкоствольные, как тополь, и почти такие же высокие. Уютно было под этими деревьями, и чувствовалась какая-то приподнятость. Она возникала словно из самого воздуха, из разлитого вокруг тепла и света.

Поток шумел, сбегая вниз по крутому ложу. Но этот монотонный шум никак не поглощал звуков более тонких – верещания кузнечиков-попрыгунчиков, которые целыми стайками сновали в траве, чирикания воробьев, шелеста крон – порывы ветра поглаживали их бережно, как человек поглаживает свои волосы. «Привал! – скомандовал Петр Иванович. – Сегодня мы прошли, сколько надо! Дрова заготавливаем Джон и я, Павел ловит форель!»

День тихо угасал, краски тускнели и меркли, солнце давно ушло из ущелья и готовилось сойти с высоких пиков. Дневная жара уступила место вечерней ненавязчивой прохладе.

– Папа, а, знаешь, я бы пожил в горах какое-то время! – признался Павел.

– Отшельником полным пожил, или в кругу семьи? – полюбопытствовал Петр Иванович.

– Лучше отшельником, лучше без никого. Годик, не больше. И обязательно чтобы зима была с глубоким снегом!

– Без никого – это даже без Джона?

– Сам на сам. Мне интересно, о чем я бы стал думать. Не о себе, это

уж точно.

– Ты бы выстроил в своем воображении цивилизацию роботов во всех подробностях и приблизил к себе галактики, – сказал отец.

– Наверное. Но я бы не стал отделять цивилизацию роботов от людей. Роботы не под командой людей, но вместе с людьми. Где они сейчас полные хозяева? Где человеку плохо, некомфортно. Где человеку не место. В Антарктиде, на Луне, на Марсе, в открытом Космосе.

– Так ты предполагаешь самые тесные контакты роботов с человеком?

– Непременно. И именно тесные и доверительные. Родители должны ощутить сыновью любовь в полном объеме. Исхода роботов с Земли не будет, это никому не нужно. И их перепрограммирования не будет, такие роботы как Джон, Джонами и останутся. Но, как сам понимаешь, папа, чувство собственного достоинства и некоторые другие чисто человеческие эмоции им не помешают. А их хозяевам не помешает осознать, что робот – существо, ни в чем им не уступающее, да еще умеющее в случае чего дать сдачи. Так что очередное поколение роботов будет несколько иным, ориентированным на движение вперед без поводья. Самодостаточность – прекрасная основа для самостоятельности, не так ли?

– Ты верен себе, – ответил Петр Иванович. – Ну, и что мы скажем друг другу перед таким замечательным огоньком? – спросил он и положил в очаг пару сучьев потолще, – он называл их долгоиграющими.

– Папа, мы должны почаще выбираться на живую природу! – воскликнул Павел.

– А в чем проблема? – удивился Петр Иванович. – Ты сам видишь, что все эти красоты рядом с домом. Захотел и пошел, даже отпрашиваться ни у кого не надо. На вертолете мы каких-то пятьдесят километров пролетели! Собраться – тоже пара пустяков. Но почему-то всегда возникают какие-то обстоятельства, которые держат и не пускают. Кстати, ты обратил внимание, что мужчины твоего возраста выбирают на живую природу вместе с девицами?

– Папа, я не слепой и могу сообразить, что одной даже самой распрекрасной природы мужчине моего возраста... ну, несколько маловато. Только разреши мне самому сориентироваться в том необъятном цветнике, который именуется женским царством. Я хочу загореться и не погаснуть.

– Удивительно мудрое желание! – согласился Петр Иванович. – Ну,

кто как, а я за сегодняшний день несколько притомился.

– И я, папа, подустал, но с твоего разрешения еще посижу у огонька пару минут...

– Один я свеж, как огурчик! – сказал Джон. – Это при том, что на меня навьючили килограммов пятьдесят. Вы даже чайничек фарфоровый не забыли в мой рюкзак положить, для полного своего комфорта.

– Я его не клал! – сказал Павел.

– И я не клал! – сказал Петр Иванович. – Джонни, ты сам его и положил, доброе дело сделал, а теперь ищешь виноватого! Раз сам положил, над собой и подтрунивай!

– Ладно, мне не привыкать подставлять под вознаграждение после правой щеки еще и левую! – сказал Джон. – Зато чаек у огонька идет замечательно, я третий чайничек уже завариваю.

– Но ты, Джонни, чего это вдруг возжелал, чтобы и тебя похвалили и по головке погладили? – сказал Петр Иванович. – Ты существо совсем другого рода-племени.

– Знаю, и этим премного доволен. Ни усталость ко мне не липнет, ни разные болячки. Это вы себе от разных хворей прививки делаете, а потом все равно простужаетесь и таблетки горстями глотаете.

– В первый раз слышу, что Джон так себя нахваливает, – удивился Петр Иванович. – С чего бы это? Или к чему бы это? Ты, Паша, что ему на ушко нашептал, пока я хворост собирал и огонек разводил?

– Я сказал ему: «Джонни, покуражься перед папочкой! Напросись на громкие аплодисменты! Повернись к папочке румяным своим боком, как пирожок свежее испеченный!» – и вот он все это исполняет.

– В таком случае, будут аплодисменты! – И Петр Иванович стал хлопать, как в полном зале перед актерами, отлично исполнившими свои роли. Джон самодовольно улыбнулся. Погладил себя по животу, вполне спортивно, и сказал: «Будь я человек, меня бы на руках носили! Как какого-нибудь чемпиона породы!»

– Тебе бы завидовали, а это иногда плохо кончается, – сказал Павел.

– И к чему все это представление? – спросил Петр Иванович.

– К тому, папа, что цивилизации роботов быть, быть и быть! И что в содружестве двух цивилизаций ее слово будет первым. В земных делах, может быть, и вторым, а в мировых, в космических, – несомненно, первым. Да Земля очень скоро станет песчинкой в цивилизации роботов! – воскликнул он с пафосом, подогретым давней болью и

страданием.

Взошла луна, величественная, как прима-балерина, отодвинула мрак и преобразила ущелье, покрыв его светом лимонным, убирающим контрасты. Прохладой потянуло со стороны высокогорья. У огонька же было хорошо необыкновенно. Тепло и дымок, смешиваясь, становились эликсиром жизни; костер был первым, что способствовало возвышению человека.

– Папа, а твоя статья про роботов в Интернете очень хороша, – сказал Павел. – Ты весьма удачно соединил историю с днем сегодняшним. Перспективы не коснулся, но она легко угадывается.

– И что ты угадал, дорогой?

– Именно то, что я тебе уже сказал. Роботы уйдут из-под опеки человека, и произойдет это совсем скоро.

– Возможно, – нехотя согласился Петр Иванович. – А пока этого не произошло, пошли, поспим спокойно. Люди и роботы... Как бы их размежевание не привело к катаклизмам!

– Не приведет, – уверенно сказал Павел. – Организация Объединенных Наций много не потрепыхается с завязанными руками и ногами!

– Полезли-ка в свои мешочки, – сказал Петр Иванович и первый расстегнул свой спальный мешок, низ которого был резиновым надувным матрасом. Мягко было спать в такой мешке и, конечно, тепло.

Утром они рано возобновили путь. Завтрак был готов еще до пробуждения Петра Ивановича и Павла. Птички на разный лад пробовали свои голоса, но не находилось дирижера, который соединил бы их в хор. Ущелье расширилось метров до трехсот, а потом снова скукожилось, заметалось среди мрачных скал. Некоторые скалы очень походили на рыцарей в шлемах и стальных доспехах. Иногда скалы не оставляли места деревьям, и пространство между ними сужалось настолько, что реке оставалось совсем мало места, и глубина ее была больше ширины, а тропа должна была протискиваться между скалами или взбираться на них. Бурный приток они перешли по двум мокрым бревнам, соединенным стальными скобами. Передохнули и двинулись дальше. Впереди, метрах в ста, важно прошествовала семья кабанов. Кабан-отец раздвигал траву и кусты, словно это ему ничего не стоило, а потом они тихо смыкались за последним кабаненком.

Ущелье вновь расширилось, и березовый лес сомкнулся над ними. Но этим деревьям было далеко до тех великанов, под которыми они ночевали. Угадывалось, что злые зимние ветра мешали здешним березам стать большими. В глухом лесу на берегу Акбулака они устроили дневной привал. Вошли в заросли ежевики, вволю полакомились ею, потом пообедали – оказывается, они не так уж проголодались, потом полежали у воды на сухой траве. Желания залезть в эту пузырящуюся воду не возникло, уж слишком она была стремительна и холодна. Часа в три пошли дальше, и скоро поднялись над лесом. Вершины открылись справа и слева, борта ущелья уже не закрывали их. С этого расстояния они не казались далекими, и видно было, что на каждую из них есть свой путь, возможно, не один – как и на каждую из вершин жизни. Тропа обогнула лес, потом шагнула на осыпь, потом круто повернула на юг, следуя реке. Деревья дальше уже не росли, а скалы громоздились во множестве, лиловые и серые, голые. Еще дальше в склоны стал обильно вкрапливаться красный цвет. Тропа еще повернула, и стало видно, что река сильно сузилась и что вброд ее можно перейти в любом месте. Не так далеко уже оставалось до перевала.

– Папа, а нам за целый день не встретились ни одна живая душа! – заметил Павел. – Не то что вчера. Здесь сумрачно, и люди сюда не идут. Или есть еще какая-нибудь причина?

– Не могу знать про это! – сказал Петр Иванович. – Джонни, затяни-ка мою любимую, для подъема духа и в знак того, что цивилизация никуда не подевалась! «Ты жива еще, моя старушка, жив и я – привет тебе, привет!»

И Джон, который нес объемистый рюкзак и руки которого отягощали две вязанки дров (там, где они собирались заночевать, не росла даже трава), тотчас подхватил всепроникающим голосом Федора Шаляпина: «Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет...» Петр Иванович сразу замолчал и весь обратился в слух. А Джон продолжил из того же репертуара: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...» Бесподобный был голос у Шаляпина. Он и сохранился, как память о неординарном человеке, его хозяине. С песней шагалось легче, и подъем не казался таким изматывающим. Тропа поднялась еще, и открылся широченный амфитеатр, правильный, словно циркулем очерченный. Небольшое понижение в этом амфитеатре и было перевалом. А Петру Ивановичу

по прежним походам запомнилось, что вершины справа и слева от перевала повнушительнее, покруче. Скалы стали красно-коричневого цвета. Кругом лежали валуны и обломки скал выше человеческого роста. В них была густо вкраплена слюда, она блестела.

Река превратилась в ручей обыкновенный, а скоро и он обмелел, нырнул вправо и разделился на пять или шесть рукавчиков, каждый из которых кончался своим родником, обрамленным невысокой травкой. В ложбине обнажился язык снега, плотно присыпанный пылью.

– Мы почти на перевале! – сказал Петр Иванович. – Пожалуй, здесь и заночуем. Плохо только, камень сплошной кругом, песочек весь внизу остался. Зато звездный шатер над нами распахнется – будь здоров! Над городом такого не увидишь, город почему-то гасит звезды.

Солнце садилось, и на него уже можно было смотреть не мигая. В ущелье, по которому они поднялись, было сумрачно, однотонно. Джон расторопно поставил палатку (ночь на такой высоте обещала быть холодной), сложил очаг. У края снежника они набрали воды, но она была совершенно пресная, безвкусная. А вот гречневая каша со свиной тушенкой получилась очень даже ничего, отец с сыном уплетали ее за обе щеки и нахваливали. Чай тоже удался, сохранил все ароматы тропиков, и его пришлось повторить. Зашло солнце, и быстро проклюнулись звезды. Они загорались прямо на глазах. Ни крон березовых не было над головой, ни скалы не нависали. Звездный полог занимал небесную высь от горизонта до горизонта. Необычно это было и очень впечатляюще. Ветер стал промозгл и ощутимо плотен. Мужчины сначала надели свитера, затем и штормовки. И все равно прохладный ветер выдувал тепло из-под одежды. Пламя костра куда-то улетучивалось, наверное, тоже тянулось к звездным высям.

А звезд высыпало великое множество. Большая Медведица никогда еще не была такой рельефной, Полярная звезда – такой обособленной. Млечный путь пенился и переливался искорками неземными, загадочными, каждая из которых могла заключать в себе иной мир, сопоставимый с земным.

– Не могу поверить, что вся эта бездна материи возникла из одной точки тринадцать с половиной миллиардов лет назад, – сказал Павел. – Как могла материя Вселенной сжаться в комок невообразимо маленький, а потом распрямиться в пространство невообразимо большое? Зачем ей это было надо?

– Смотри и приобщайся. Мироздание никогда не перестанет

задавать загадки. «Звездная ночь» Ван Гога, что в нашей гостиной – вот она, над нами! Вроде бы, все уже ясно и понятно, ученые до всего докопались и чуть ли не в сами черные дыры забрались. Но тут появляется еще одна черная дыра, несколько отличная от предыдущих, и постижение мира надо начинать заново, иначе всего не объяснишь, – сказал Петр Иванович. – Я вот думаю и думаю о Создателе, но мало чего себе проясняю.

– Создатель – это данность, которая всегда была, есть и будет. Это основа и гарантия миропорядка, – сказал Павел.

– Один Создатель – одна Вселенная? А если Вселенная не одна?

– Папа, давай оставим эти наши «а если» будущим поколениям, – предложил Павел.

– Джон, а ты что нам скажешь по этому поводу? – спросил Петр Иванович.

– Я свято чту Создателя и мир, который вокруг меня. Физически я могу проникнуть в него не так далеко, а мысленно – очень далеко, но не до самых дальних его границ. Мир и Создатель едины, и если нам не дано обозреть наш мир во всех его проявлениях, нам не дано обозреть и Создателя.

– Правильно мыслишь, Джонни! – Петр Иванович отошел от костра, который на такой высоте плохо исполнял свое назначение, и отклонил голову далеко назад, стараясь охватить взором все море звезд. Но взошла луна и погасила глубину звездного неба, заслонила его собою. Оно как по мановению волшебной палочки утратило свою бездонность. Почему человека всегда влечет к себе непознанное? Когда ребенок делает первые шаги от порога родного дома, он уже идет познавать непознанное. Эта дорога не прерывается никогда, точнее, ее обрывает смерть. Нет, не обрывает, потому что происходит передача эстафеты молодой поросли. Петр Иванович вернулся к огоньку. Джон развязал вторую вязанку дров; на такой высоте и на таком ветру дрова прогорали быстро. Павел вдруг затынул голосом звонким и очень даже музыкальным: «Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза...» Джон посмотрел на него и, получив кивок поддержки, продолжил: «В Флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...» Он умел воспроизвести любой высоко котировавшийся голос и дать ему нужное музыкальное сопровождение, – гитары, баяна или оркестра. Джона слушали, пока не прогорели последние дрова, а угли не подернулись пеплом.

А потом как бы сразу наступило утро. Оделись, потянулись, позавтракали и быстро оказались на перевале, не отстали от начавшего всходить солнышка. Постояли на высшей точке водораздела, посмотрели восторженными глазами на все четыре стороны света. Горная страна простиралась на восток и на юг на тысячи километров, а на западе и севере резко понижалась, и там угадывалась широкая равнина. Казалось, что горы подпирали небо, и в то же время не было видно, чтобы небо на них опиралось. Чем дальше на восток, тем больше на пиках Тянь-Шаня было снега и льда. Языки снега начинались совсем недалеко и часто напоминали щупальца осьминога. «Как здесь сурово и строго!» – воскликнул Павел.

– Но мы своего добились, – сказал Петр Иванович. – Поставили цель и пришли. Поэтому мы молодцы!

– Мы молодцы! – повторил за отцом Павел. Робот Джон тоже улыбнулся, очевидно, посчитал и себя молодцом: один рюкзак его чего стоил! И верно, у него не было повода отделять себя от этой честной компании. Шаг вниз – и перевал навис над ними серой испещренной трещинами громадой. Спускались навстречу солнцу по ложбине пологой и долгой, окаймленной вершинами совсем невысокими. Несколько родников дали начало ручью безымянному, а ручей расширился и вдруг уперся в гору грунта, принесенного селевым потоком справа, и образовал озеро совсем не маленькое, фасолеобразное, длиной более километра. Озеро было темное-темное, и его плотно обступали скалы и осыпи. Зеркальная водная гладь отражала их, не искажая: утро стояло тихое-тихое. Ни деревца не росло на такой высоте, ни кустика, одна невысокая травка. Высота и ветры превратили эту местность в тундру. Высота здесь была, наверное, под три тысячи метров. Джону немедленно был задан вопрос: «Братец, а на какой высоте мы стоим?» И он ответил, что высота водной глади над уровнем моря 2912 метров, а они стоят тремя метрами выше. Перевал же, с которого они спустились, имеет отметку 3275 метров. «Координаты тоже сообщить?» – спросил он. Его остановили: в координатах нужды не было.

– Кладезь ты бесценный! – поблагодарил робота Павел.

Они постояли на берегу озера, но в воду не полезли, побоялись. Не захотели выскакать из нее со скоростью пробки, покидающей бутылку с шампанским. Подивились северной контрастности пейзажа, которому совершенно не были присущи полутона. В склоны и осыпи

был ярко вкраплен темно-красный цвет, вода отливала небесной голубизной, а небо загустело и вобрало в себя черные оттенки. Но стоило облачку или тучке набежать на солнце, и все мгновенно менялось, серое покрывало гасило яркость дня, а в ветер сразу вкрадывалась промозглость осени, как преддверие зимы.

– Папа, и что ты сказал бы о домике на этом берегу? – спросил Павел отца.

– Скажу, что он не для меня.

– И не для меня, даже при самой распрекрасной девочке рядом.

– Ой, не зарекайся! Такая прелестница моргнет глазом, и край света сразу покажется тебе домом родным! – сказал Петр Иванович.

– А что! Может быть, твое предсказание осуществится! – сказал Павел на полном серьезе.

Они прошли за плотину, удерживающую воду. Достопримечательностью этой плотины было то, что ее возвела мать-природа, не человек. За плотиной стояла будочка деревянная, а подле нее из земли бил горячий источник и вился пар. Ванна была продолблена в скале близ источника; по размерам она напоминала маленький бассейн – в ней могло поместиться человек десять. Петр Иванович и Павел разделись в будочке и прыгнули в ванну. Петр Иванович вспомнил, как лет пять назад пришел сюда в последний день сентября. Пасмурно было и пошел снег, а он залез в эту ванну и блаженствовал. Снежинки опускались ему на лицо и плечи, а он даже не ощущал, что они холодные. Температура воды в ванне была сорок два градуса.

«Ура!» – закричали мужики в один голос, так им было хорошо. Но посмотрели на Джона и смутились, ведь его их радость обошла стороной. Не создан он был воспринимать такие радости жизни, в нем слишком сильным было рациональное начало. И подумал тогда Петр Иванович, а какие радости могут быть присущи исключительно роботу? Память не подсказала ему ни одной такой радости; эмоциональная жизнь роботов была очень бедна. Он спросил об этом у Павла. Молодой человек тоже задумался, а потом сказал: «Папа, это поправимо!» И вдруг Джон повел себя совсем не рационально. «Ладно, уговорили!» – воскликнул он, скинул с себя плотную брезентовую робу и присоединился к людям. Воскликнул: «Ай, хорошо, кто понимает!» И тем самым причислил себя к числу понимающих.

Между тем тела стали покрываться мельчайшими пузырьками

воздуха. Очевидно, их выделяла слабо минерализованная вода. «Сидим не более десяти минут, не перегреваемся и водичку эту не пьем! – предупредил Джон. – Желания каждый загадывает про себя!»

Петр Иванович тотчас пожелал, чтобы Павел быстрее нашел себе достойную половину, Павел – чтобы Организация Объединенных Наций перестала опекать роботов и держать их на короткой привязи и договорилась с ними о вечном союзе и сотрудничестве. И это же желание загадал Джон, словно флюиды от Павла перетекли к нему и его окрылили. Бодрость притекала и притекала к телам, как будто горячая вода содержала ее в умеренном количестве.

– И почему я не бизнесмен! – воскликнул Джон. – Я бы поставил здесь санаторий-профилакторий.

– А я бы поставил санаторий-профилакторий на берегу Чарвакского водохранилища, а сюда привозил народ на вертолетах: окунулись, погрелись, посмотрели на озеро, обошли его по периметру, поднялись на какую-нибудь высокую скалу – и обратно, к нормальной природе и нормальной атмосфере. Здесь, когда мы на перевал поднимались, дышать было очень тяжело, – сказал Петр Иванович. – Я останавливался хотя бы на пять секунд через каждые двадцать шагов.

– Мальчикам пора вылезать! – возвестил Джон. – Лишнего мальчикам не надо!

«Не надо! Не надо!» – отразилось от близкого горного склона. Оказывается, тут жило эхо. Вылезли, постояли гольшом под полуденным солнышком. Холодно не было нисколько. Обсохли, потом оделись. Легко было, как после выхода из высшего учебного заведения на все четыре стороны света. Поднялись к своим рюкзакам, оставленным на берегу озера. Посмотрели еще раз на темную воду, покрытую рябью. А черная точка в небе росла и стрекотала все громче. Идти к автомобильной дороге по Анргенскому плато они не захотели, это тридцать пять километров медленных качель, вверх и вниз по однообразным припухlostям матушки-земли. Вертолет сел, винт замедлил вращение. Они поклонились горячему источнику, окрестным красноватым скалам и осыпям – и взмыли вверх. Поход был окончен. Но и в сердце Петра Ивановича, и в сердце Павла прочно запало, что должно последовать продолжение.

Глава X

К деду Якову Израилевичу Петр Иванович собирался давно и все эти дни корил себя за то, что никак не выкроит для него время. Не дед ему был Яков Израилевич, а прапрадед: разница между ними составляла сто один год и еще полгода. Яков Израилевич появился на свет в далеком 1961 году. Никто уже и не помнил, что тогда происходило и чему могли радоваться люди в те почти доисторические времена. Не время, однако, подпирало Петра Ивановича, а совсем другое мешало выбраться к деду (для краткости он отбрасывал частицы «пра», да и не нравились они ему, – они вели куда-то очень далеко, чуть ли не к пращурам, пещерным людям). К деду вдруг прилипло много противных болезней, которые дружно пригибали его долу. Врачи едва успевали вылечить его от одного недуга, как появлялся второй и третий, и Яков Израилевич давно уже свой день начинал с того, что проглатывал пригоршню лекарств, сопровождая эту процедуру словами: «Милые, теперь мне станет легче!»

Врачебный консилиум вынес Якову Израилевичу приговор неделю назад: жить ему оставалось два месяца. Но и до этого приговора было ясно, что дед не жилец уже на белом свете. Что ж, 149 лет жизни для человека, родившегося в середине двадцатого века, были очень хорошим сроком, и друзей-ровесников у Якова Израилевича почти не осталось, а жена его Мария Мартыновна, замечательная мама и хозяйка, покинула этот бренный мир четверть века назад

– Чем больше нам быть вместе, тем лучше! – сказал тогда Яков Израилевич, и Петр Иванович те слова запомнил, не позабыл. Любил он деда и как человека-глыбу, а это с какой стороны ни посмотри, величина приметная и колоритная, и как личность почти идеальную, у которой многое можно почерпнуть, было бы желание. А у Петра Ивановича такое желание было всегда. И, наверное, ни один из зеленых отпрысков не задал ему столько «почему», сколько Петр Иванович в свои детские и юношеские годы: Яков Израилевич был свидетелем событий чрезвычайно интересных. Житейская мудрость вообще отличала деда, и он не просто говорил, как следует поступить в том или ином случае, а непременно приводил примеры, как поступали в аналогичных случаях одни, вторые и третьи его добрые знакомые. А поступали они почему-то по-разному, и результат получался не всегда положительный. Так что вопрошавший из приведенных ему примеров сам мог выбрать тот, которому последовать было лучше. Проходило время, все устраивалось должным образом, и вопрошавшему

оставалось только поблагодарить Якова Израилевича за мудрый совет.

Петр Иванович взял с собой Павла, который прапрапрадеда очень уважал. Полетели в Ташкент, вошли в милый особнячок на улице, обсаженной высокими чинарами. Обняли деда, прижали к груди, поцеловали. Кивнули роботу, который ухаживал за Яковым Израилевичем. К счастью, старик не был прикован к постели, как большинство в его почтенном возрасте.

– Проститься пришли? – осведомился Яков Израилевич с мягкой улыбкой человека, которому нечего было стесняться.

– Проведать, – внес уточнение Павел. – Соскучились и пришли.

– А дети и внуки проводят меня только с экрана, – сказал Яков Израилевич. Экран занимал половину глухой стены, обращенной на север, и был выключен. Но молодая поросль доставала с его помощью старика в любое время дня и ночи, вводила в свою жизнь и в свои дела, не давала скучать. Ее, рассеянной по всему белому свету, было много, и почти про каждого своего отпрыска, ближнего и дальнего, Яков Израилевич мог сказать, что он удался. В смысле же облика физического и творческого, был ли отпрыск ростом чуть-чуть повыше или чуть-чуть пониже, особого значения не имело.

– Клавдий, пожалуйста, сотвори нам чайку и кофейку, и чего-нибудь покрепче подай тоже, – распорядился Яков Израилевич.

– И шахматную доску подать, конечно? – спросил робот Клавдий.

– Ты все помнишь, – сказал Яков Израилевич. – К доске полагаются часы.

– Ваши «нажал – пошел» и «пошел – нажал» я тоже помню, – сказал Клавдий, принес шахматы и часы, расставил на доске фигурки. Вскоре рядом с шахматной доской появился поднос со свежесваренным чаем, с кофейником, распространяющим далеко окрест ароматы далекой Бразилии, с графинчиком, наполненным водкой, настоящей на лимонных корочках, с коробкой, в которой шоколадные конфеты перемежались с печеньем.

– Петя, вино, как я понимаю, ты принес свое? – спросил Яков Израилевич.

– Дед, ты все правильно понимаешь!

Петр Иванович поставил на стол два сосуда, с вином вишневым и виноградным, сорта «изабелла». Сказал: «И то, и другое в твоём возрасте не столько вино, сколько лекарство».

– И водочка тоже, – дополнил Яков Израилевич и прикрыл веки,

прося о сошествии покоя на его дом и его бренную душу. – Кого я сначала брею, праправнука или пра-пра-пра... Этих «пра» уже столько, что я о них спотыкаюсь. Пращур я, наверное!

– Этих «пра» будет еще больше, – сказал Павел.

– Уже не будет, – спокойно опроверг его Яков Израилевич и налил в три стакана «изабеллы». Свой стакан он наполнил на одну треть. Сказал: – Ну, согрели кровушку! Со свиданьем, мои дорогие!

Петр Иванович подумал, что счет этим свиданиям теперь пойдет на единицы. Все пригубили вино, а Петр Иванович еще и посмаковал его, и Яков Израилевич, перед которым, конечно же, стояли белые фигуры, вальяжно двинул вперед на два поля королевскую пешку и нажал на часы. Первым сразиться с ним пожелал Павел – и тоже двинул вперед королевскую пешку. Часы защелкали, как сороки, ведь на каждую партию игроку отводилось ровно пять минут. Белые стали насаждать на черных, черные оборонялись, но расставляли ловушки, в которые лучше было не попадаться. Павел играл хуже отца и чуть-чуть хуже, чем дед. Яков Израилевич в его ловушки не попадал, а внука поддавливал на его оплошностях, усиливая давление. Из плохой позиции Павла быстро превратилась в очень плохую – и рухнула. А Яков Израилевич гордо выпятил грудь и произнес свою любимую присказку: «Вот тут она ему и сказала: «За мной, мальчик, не гонись!» Один – ноль, проигравший пьет чай и отдыхает!»

Петр Иванович, которого игре в шахматы обучил Яков Израилевич в раннем возрасте и который шахматы полюбил за их неисчерпаемость, сам после первых же ходов надавил на Якова Израилевича и принудил его обороняться, но над некоторыми ходами продумал дольше, чем полагалось думать на блиц-турнире. Дед, его, разумеется, не торопил – пусть думает, а часы пусть тикают свое. И при очень плохой позиции Якова Израилевича, при абсолютно проигрышной позиции у Петра Ивановича флажок завис, а потом и упал. Радость деда была велика необыкновенно. Петр Иванович, конечно же, был посрамлен, ему следовало быстрее соображать. «Тугодумство – это хорошо или плохо? – витийствовал Яков Израилевич. – Тугодумство не есть хорошо! Молодо-зелено! Молодо-зелено!» – Деду нравилось скандировать это, а Талдыкины смотрели на него и улыбались. Лучшего удовольствия они и не могли доставить старику. Победа не по игре, но по времени в блиц-турнире ничем не отличалась от разгрома, учиненного сопернику. Напротив, улизнуть от поражения и получить заветное очко в

абсолютно проигрышном положении за счет падения флага противника было так же почетно, как и поставить ему мат.

Еще выпили вина, и незаметно переключились на чай.

– Дед, скажи-ка, а что из прожитого тебе запомнилось больше всего? – спросил Павел, снова садясь за доску перед Яковом Израилевичем.

– Выиграть захотел? Внимание мое раздваиваешь и на другое переключаешь? – сказал Яков Израилевич и в этот раз двинул вперед ферзевую пешку. – Ладно, я уже столько раз брил тебя и папаню твоего, что можно и остановиться. Но скажи, для чего останавливаться, если представляется еще одна возможность побрить новобранца молодого и необученного? Но ты вопрос задал и ответа на него ждешь. В пору моей юности и зрелости социализм в лице Советского Союза, Китая и других социалистических стран бодался с капитализмом в лице Соединенных Штатов Америки, стран Западной Европы и остального мира. Частная собственность и частная инициатива, мои дорогие, показала полное свое превосходство над государственной собственностью и тоталитарной инициативой. Коммунистическая доктрина о всеобщем равенстве и братстве за десятилетия чрезвычайно медленного воплощения в жизнь изжила себя и перестала волновать умы, вследствие чего Советский Союз почил естественной смертью. В мире тогда было накоплено очень много разного разрушительного оружия – ядерных боеголовок и межконтинентальных ракет, атомных подводных лодок, танков. Но людям хватило ума это оружие не задействовать, и позже оно было уничтожено.

– Как много интересного у нас за плечами! – согласился Петр Иванович. – Дед, ходи. Пошел – нажал, нажал – пошел! Шевелимся, шевелимся! А насчет того, что могло быть, так оно могло и могло. Могло быть одно, второе и третье, а было только то, что было.

– О! Твой флажок упал, я выиграл! – обрадовался Яков Израилевич. И Петр Иванович подумал, как мало надо человеку для всплеска радости. Только это никак не заслоняет от той страшной беды, которая надвигается. Лоб деда вдруг покрыли множественные капельки пота, он стер их салфеткой. Поморщился: «Опять эта слабость! Вроде бы, все хорошо, а потом в момент все меняется, и уже кругом все плохо». Клавдий был тут как тут, со шприцом наготове. Вколлот укольчик в мякоть руки, и минуты через три Якову Израилевичу полегчало.

– Полежать придется! – сказал дед. Аудиенция заканчивалась.

Спрашивать, все ли у Якова Израилевича есть, не имело смысла. Конечно, у него все было, нужное вместе с ненужным. Главное, уход за ним был более чем надлежащий.

– Дед, а мы твою копию приготовили, вот! – сообщил старцу Павел. Яков Израилевич кивнул. Он сначала было воспротивился переместить свой интеллект в робота, в точную свою копию, а потом под давлением детей, внуков – согласился. Работа предстояла кропотливая, тонкая и деликатная, на несколько часов. Его семья хотела этого, и он не стал противиться ее воле. Ему даже было интересно какое-то время пожить вместе со своим двойником, послушать самого себя, задать самому себе вопросы, заранее зная ответы и слова, в которые они будут облачены.

– И когда меня ждет эта процедура? – спросил Яков Израилевич. – Надеюсь, личность моя не раздвоится?

– Это произойдет завтра, дед. Все твое останется при тебе, и, одновременно, все твое перейдет в робота. Напрягаться тебе не придется.

– После чего произойдет естественный акт списания! – сказал Яков Израилевич.

– Дед, что ты такое болтаешь? Типун тебе на язык! У тебя никогда не было близнеца-брата? Теперь он у тебя появится!

Глава XI

Петр Иванович и Павел заехали за Яковом Израилевичем утром. Клавдий побрил старца, и не только щеки и подбородок, но и голову, и теперь его темя сверкало безукоризненной гладкостью. Так электронным датчикам легче будет делать свое дело. Дед был тих, но не пасмурен, а как-то задумчиво светел. У него было время поразмышлять о том, что сегодня должно было произойти, и он решил, что продолжение деятельности его интеллекта в сосуде, каким был робот, – лучший из возможных вариантов, что этот сосуд все сохранит, ничего не расплескает, а, напротив, еще будет пополняться. А когда его близкие потихоньку забудут о нем, когда он надоест им своими экскурсами в прошлое, его интеллект, перемещенный в робота, можно будет тихо погасить – чтобы об него не спотыкались другие.

Кончался август, и отовсюду струилось тепло. Вера Андреевна встретила родных в вестибюле госпиталя. Посадила в лифт, подняла на седьмой этаж, повела по широкому коридору в просторную палату.

- Тут все и совершится, Яков Израилевич! – оповестила она.
- И где мой однойцевой близнец? – поинтересовался старец.
- Сейчас войдет. Он вам будет ближе, чем однойцевой!

– Грустно мне, – признался Яков Израилевич. – Все понимаю, а как-то не по себе. Это как предварительное прощание с самим собой. С другой стороны, мне и жизнь давно не в радость. Тело давно уже не поспевает за умом-разумом. Нет, слишком задерживаться на этом свете не есть хорошо!

– Дед, ты чего? – удивился Павел. – Держи хвост пистолетом! Сейчас мы тебе такого двойника замастрячим, что вы переглянетесь, мгновенно ощутите родство душ и к девочкам побежите!

– Побежим! – согласился Яков Израилевич. – В своем воображении и побежим. Мне это давно уже не нужно, а роботу никогда не было нужно. Я в молодые годы как прибежал к своей Машеньке, так и остановился. Все, точка.

– Дед, ты в плане постоянства у нас эталон! – сказал Павел. – Мама, командуй, куда деду садиться или ложиться. Ну, с Богом!

– Тут, Паша, не я командую, тут есть свой командир.

Белые халаты окружили Якова Израилевича и облекли его в белое, усадили в кресло с откидывающейся спинкой. Стеллажи с оборудованием стояли рядом; о назначении этого оборудования осведомлены были немногие. Тут и двойник Якова Израилевича объявился, того же роста и той же комплекции. На нем тоже был белый халат. Лицо двойника являло собой тщательную копию лица Якова Израилевича. Каждая морщинка была такой же глубины, каждая прожилка была точно на своем месте. Родинка на виске близ левого глаза, и та была того же размера и цвета.

Робот-копия поприветствовал настоящего Якова Израилевича. Тембр голоса и интонации почтительного удивления тоже были одно к одному. «Во дает наука! – воскликнул настоящий Яков Израилевич и сделал попытку встать, но его удержали. – Мать честная, умеем, умеем!»

– Расслабьтесь, пожалуйста! – попросила Вера Андреевна. – Альберт Ервандович, пациент в полном вашем распоряжении! – доложила она.

При словах «Альберт Ервандович» Петр Иванович встрепенулся – так звали его однокашника Аталиева, золотого медалиста, ставшего прекрасным хирургом, а потом доктором медицины и академиком, известным светилом по пересадке интеллекта, характера и привычек человека, жизненный путь которого приближался к финишу, двойнику-

роботу. Альберт Ервандович Петра Ивановича сразу заметил и крепко обнял, шепнул: «Все будет наилучшим образом! Задержись потом, пошепчемся немного». Наверное, в памяти Аталиева уже гнездилась мысль, что операцию, которую он делает своим пациентам, как абсолютно серийную и выверенную в мельчайших подробностях, пробьет час – сделают и ему.

– Приступаем! – распорядился академик, и его помощники засуетились, водрузили на голову Якова Израилевича большой белый шлем с доброй сотней датчиков, и такой же шлем, но бежевый, надели на голову двойника. «Не разговариваем, спокойно плывем по течению, про плохое и про хорошее не вспоминаем! – говорил академик Якову Израилевичу, между тем как взгляд его был прикован к экрану, на котором осциллографы выводили свои цветные волнистые линии, изредка перекрываемые черными закорючками. – Так-так-так! Очень даже хорошо! Ну, с Богом!»

И перелив интеллекта начался. Точнее, это было тщательное копирование – с пробуждением памяти слой за слоем, то есть год за годом. Кора и подкорка, все содержимое мозга, включая инстинкты, клетка за клеткой и нейрон за нейроном дублировались в двойника. Важно было воспроизвести все от «а» до «я», и это достигалось с высочайшей степенью эффективности. Процесс потек своим чередом, академик позволил себе удалиться, оставив присматривать за ходом дела одного из своих помощников, а Петра Ивановича поманил пальчиком, чтобы следовал за ним.

– Рад, что свиделись! – объявил он в своем кабинете, где его ждало кофе, а гостя – рюмка коньяка. – Я тебя сколько раз просил: не пропадай надолго! Твоему старцу дышать сколько осталось? Меньше двух месяцев? Вы проводите его в последний путь, а через месяц так привыкните к двойнику, что об утрате невозполнимой думать забудете. Это минус, но он единственный. Все остальное – это одни плюсы: человек-то практически остается с вами в том виде и облике, в каком вы его запомнили. У тебя деток сколько, двое? И у меня тоже. Все давно на своих ногах, врачи, как и я. Это в семье традиция. А твой малый, я слышал, великий спец по роботам? Эх, не надо, не надо было позволять им обгонять человека! Но дело сделано. Мы теперь на вторых ролях, это необратимо.

– На вторых, и здесь уже ничего не поменяется, – согласился Петр Иванович.

– Прими рюмочку, для согрева души, – попросил Альберт Ервандович. – Да и я, пожалуй, с кофейком повременю, компанию тебе составлю. Там, где твой Яков Израилевич раздваивается и в оболочку робота переливается, все схвачено, и первый контролер за процессом – сам робот, которого скоро все вы будете звать-величать Яковом Израилевичем, или дедом Яшей. За тебя, Петя! А за то, что мы эту каменную стену возвели и за нее теперь прячемся, давай пить не будем. Мы страшно промахнулись, эпохально промахнулись.

– Мой Паша так не считает.

– Вот потому он в таком почете у наших железных деток, и те его на руках носят и везде им козыряют. А ты, ты как считаешь?

И поник Петр Иванович, в душе давно согласный со своим настырным однокашником. А коньяк был марочный, армянский, и одной рюмочкой они не ограничились, но на третьей остановились.

– Чувствую, моментами ты отсутствуешь, тебе хочется вернуться в палату, – сказал Альберт Ервандович. – Ладно, пошли туда! Но там мы не поговорим.

А в палате и в самом деле процесс шел своим чередом, чему наилучшим образом способствовала тишина. Петр Иванович, Вера Андреевна и Павел смотрели на двух совершенно одинаковых стариков под шлемами белым и бежевым, с лицами цвета печеного яблока, изборожденными ущельями морщин, и думали: один из них, который человек, скоро уйдет, но останется тень его, во всем его повторяющая, и все будут принимать эту тень за ушедшего человека и оказывать ей великое почтение. Тень эта будет двигаться и разговаривать, точь в точь как это делал Яков Израилевич, будет обладать его привычками и повадками. Сможет работать там, где прежде работал Яков Израилевич, только в этом не будет необходимости. Получалось, что человеку пока не было гарантировано бессмертие, а его тени, то есть полному его тождеству – было. Физиология умирала, мозг же продолжал витийствовать в эмпириях далеких и близких. Жизнь мозга продлевалась, правда, совсем на другой основе, и он мог вбирать в себя новые сведения и впечатления, как если бы Яков Израилевич продолжал жить и пользоваться своими органами чувств. Тут было чему удивляться, поражаться и восхищаться. Робот мог вобрать в себя от человека бесконечно много, а человек от робота – нет, нет и нет. Движение здесь могло осуществляться только в одном направлении. И не удел ли человечества перелиться в роботов и тихо угаснуть?

Тут было над чем поломать голову. Петр Иванович стал погружаться в эту мысль, и тишина в палате начала заполняться тревогой и мраком. Все-таки, наверное, лучше бы не делать того, что сейчас делалось. Лучше или не лучше, кто скажет? Прошел час этой священной тишины, потом второй и третий. Казалось, невидимому процессу не будет конца. Все это время напряжение не покидало Петра Ивановича. Он чувствовал, что оно не оставляло Веру Андреевну и Павла. Момент был торжественный и трагический одновременно. Вдруг как по команде вошли академик и все его помощники.

– Дело сделано! – возвестил Альберт Ервандович. И тотчас с головы Якова Израилевича и его двойника были сняты шлемы.

– Как мы себя чувствуем? – спросил старца академик. – Чашечка кофе вам не помешает.

– Не помешает, – согласился Яков Израилевич. – Но сначала я пожму руку брату своему единоутробному! – Он поднялся, качнулся вправо, качнулся влево, – долгое сидение на одном месте атрофировало его мышцы, выбросил в стороны руки для равновесия и на ногах удержался без посторонней помощи. Подошел к роботу, обнял его и троекратно поцеловал: «Яша, дорогой, принимай эстафету!»

– Эстафету принял! – отрапортовал робот и вытянулся по стойке «смирно», выражая полнейшую готовность исполнить любое распоряжение Якова Израилевича.

– Пейте свой кофе, уважаемый Яков Израилевич, и проведем небольшой эксперимент, – сказал академик. – Яков Израилевич, задавайте своему двойнику и зеркальному отображению любые вопросы и знайте, что он должен будет ответить на них слово в слово, как ответили бы вы. Все готовы? Приступаем! Чур, первый вопрос задаю я. Весной 1966 года в Ташкенте произошло землетрясение силой восемь с половиной баллов. Что скажете?

Двойник Якова Израилевича откинул голову несколько назад, приосанился, как приосанился и его прототип, и начал повествование: «Мать честная! Меня подбросило, а потом еще и еще! Домишко наш из сырцового кирпича закрипел и застонал, а собаки у соседей воют, как будто их лупят нещадно. Мать думала, что еще чуть-чуть, и домик по швам расползется. Она побледнела и голосит: «Во двор! Все во двор!» А все и без ее команды уже во дворе, мы последние в комнате телепаемся. Я посмотрел – на бабушкиной кровати кирпич лежит. Прямо на подушке.

– И много было пострадавших?

– Какое много! Почти никого, толчок был вертикальный. Будь толчок такой же силы, но горизонтальный, Ташкент превратился бы в гигантское кладбище. Все перепугались, это да. Неделю потом боялись в дома свои войти и нас, детей, не пускали. Во дворе ночевали, благо погода позволяла. Ну, дяденьку одного на нашей улице зашибло, его даже в больницу отвезли. В то утро мама с папой пошли на работу, а меня папа в детский сад отвел. Только мы весь день во дворе играли, и кормили нас тоже во дворе. А потом наш детский сад закрыли, и до школы я дома сидел. Зато в школу пошел на год раньше, шести с половиной лет. Я всегда был из молодых и ранних. Наш дом позже стальными балками обшили, сносить не стали. А очень много домов снесли, весь центр снесли одноэтажный и заново отстроили.

– Все верно, – подтвердил подлинный Яков Израилевич. – Мой братик вспомнил даже больше, чем если бы про это стал рассказывать я. Ты вот что вспомни: отец когда тебе кубики подарил?

– Самые первые? Когда мне пять годиков исполнилось. Я из них разные домики строил и башни. И папа строил. У него они красивее получались и не рассыпались, если высокие были. И еще я из них строил танки и пушки, когда в солдатиков играл – после школы, на полу в папином кабинете, когда папа на работу уезжал.

– А что такое «лапта»?

– Это игра такая, в нее потом перестали играть. Ребята делятся на две команды, по три-четыре человека в каждой, берут теннисный мячик и палку-биту, находят площадку размером с баскетбольное поле, и одна команда, по жребию, играет в поле, или мается, а вторая подает, то есть бьет битой по мячу и бежит в поле до черты, метров двадцать, двадцать пять, а потом бежит обратно, на кон, и снова подает. Полагается...

– Замечательная была игра! Жалко, Петя и Паша, что вы ее не застали. Побегали бы в свое удовольствие, мячик бы в цель побросали очень даже интересную – когда девочка бежит, вся в напряжении, а ты в нее целишься, бросаешь тугой мячик, и он со вкусом в нее попадает, – тут есть что запомнить! Теперь скажи, а кто была та девочка, которую ты в первый раз поцеловал?

– Ее звали Анжелика. Она... Ты, Изя, прекрасно помнишь, какой была она, а остальным про это знать не обязательно. Ее потом летчик у меня увел. Про которого мы еще песенку веселую пели: «Мама, я

летчика люблю! Мама, за летчика пойду! Летчик высоко летает, много денег зашибает, вот за это я его люблю!» Летчик был самостоятельный человек, не то что я, студент-первокурсник. Жалела ли она потом о таком повороте? Возможно. Я, когда волны улеглись, ни о чем не жалел и, пожелай она ко мне вернуться, не принял бы ее.

– Как звали мою первую учительницу?

– Мария Васильевна. Она жила недалеко от нас, в доме за глиняным дувалом. В ее дворе росла огромная урючина, и треть ее кроны свисала на улицу. В начале июня утром там можно было подобрать много спелого урюка, и мы с пацанами его подбирали. Косточки я тоже колол, я любил их.

– А что я до сих пор простить себе не могу?

– В пятом классе я открыл мамину сумочку, взял из нее пять рублей и купил на базаре у барыг книгу, не помню, какую, абсолютно никчемную. Вечером мама говорит отцу: «Это ты взял из моей сумочки пятерочку? Я пошла в обед в магазин за сахаром и гречкой, и мне нечем было заплатить». – «Не я», – сказал отец. Она у отца про деньги в моем присутствии спросила, чтобы мне стыдно стало. И мне до сих пор стыдно, хотя стыдиться давно уже не перед кем. Я не признался, что сделал это, но больше так не поступал. Всю жизнь помнил, как нехорошо себя чувствуешь, когда берешь не свое, и никогда не брал чужого.

– Верно, верно. Какими были последние слова Марии Мартыновны?

– Яша, прости, что я ухожу первая.

– И ты простил?

– Я обмер. Я до сих пор в трансе.

– Я сейчас начну стихи читать, а ты продолжишь: «Шаганэ ты, моя Шаганэ, от того, что я с севера, что ли, я готов рассказать тебе поле...»

– Про волнистую рожь при луне. Шаганэ ты моя, Шаганэ! От того, что я с севера, что ли, что луна там огромней в сто раз, как бы ни был красив Шираз, он не лучше рязанских раздолий. От того, что я с севера, что ли...

– Нормально. А шахматы здесь есть? Сгоняем по-быстрому пару партий!

– Есть, а как же! – сказал Павел и достал из портфеля доску с фигурами и шахматные часы. И это предусмотрел!

– Чур, белые мои! – воскликнул двойник, проявляя живейший интерес. – Пошел – нажал, нажал – пошел! Заяц трепаться не будет!

Живому Якову Израилевичу оставалось только смотреть на него, такого бойкого на язык, моргать и оторопело помалкивать. Расставили фигурки, отвели часовые стрелки на пять минут от двенадцати, и первая партия началась. Азарт был велик, словно не старцы замшелые сошлись в бескомпромиссной схватке за шахматной доской, а подростки неистовые. Пяти минут на партию хватило каждому, стрелка не упала ни у кого. При счете 2:2 два матч прервали. Силы соперников были примерно равные, что и требовалось доказать.

– Вроде бы, полный порядок! – сказал Альберт Ервандович, и все с ним согласилось. Особенно болельщикам понравился равный счет в партиях-пятиминутках. На самом деле, конечно, знак равенства вбирал в себя много больше. Якову Израилевичу и его полному двойнику можно было возвращаться домой.

Прошло сорок три дня, и Якова Израилевича не стало. Он заснул и не проснулся. Он и мечтал о такой легкости ухода из этого брэнного мира. Датчик, в него вживленный, подал сигнал тревоги через десять секунд после начала сердечного приступа. Но хлопоты медиков были напрасны и отдавали формальностью. На погребальной процессии живой Яков Израилевич стоял подле почившего, и кого-то это сильно смущало, а кого-то нисколько не удивляло. Слов прощания робот не произнес и вообще рта не раскрыл, – молчал, молчал и молчал; вселенская тоска была на его лице. Но слезу уронил, и она прочертила зигзаг на его морщинистой щеке. Начиналась его трудовая вахта по замещению умершего. А слово прощания было кому произнести и без него, Якова Израилевича любили за добрый нрав и редкую душевность. К нему приходили, изливали свою боль, выслушивали слова участия и получали облегчение. И многим теперь было интересно, а можно ли будет со своим наболевшим приходить к двойнику Якова Израилевича. Но одного взгляда на двойника было достаточно, чтобы сказать себе: «Можно!»

Глава XXII

Петр Иванович и Вера Андреевна поняли, что час пробил, их сын Павел всецело посвятил себя высвобождению роботов и созданию их особой цивилизации. Павел перестал появляться дома, перестал выходить на связь и обозначать себя. Где он, они не знали, но догадывались, чем конкретно занимается. Догадывались, что роботы,

сходившие в последнее время с конвейера мощного Ташкентского завода роботостроения (и, наверное, с конвейеров других аналогичных заводов тоже), имели несколько иной электронный мозг, нежели их предшественники, и могли не только следовать командам человека и действовать по программам, заложенным в них человеком, но и игнорировать эти команды, действовать по программам, созданным роботами, но учитывающим интересы людей, представителей дружественной цивилизации.

Нигде еще не было зафиксировано ни одного знака протеста или несогласия робота с человеком. Но подспудно накапливалось то, что можно было назвать чувством собственного достоинства, осознанием роботами общности своих интересов и будущего, подконтрольного только им.

Сентябрь прошел без каких-либо эксцессов, которые выплеснулись бы за пределы семей и квартир и сделали достоянием общественности. А октябрь с них начался. Роботы вдруг перестали спокойно сносить грубость и хамство, а на рукоприкладство отвечали вызовом полиции. Алкоголик из Будапешта, грубо оскорбивший своего робота, обругавший его за то, что тот чем-то ему не угодил, в свою очередь был обруган еще более грубо и, главное, прилюдно. Для всех это было в новинку: робот, а какое самомнение! Люди глаза вытаращили. На оскорбления посыпались ответы: «Сам дурак!» И более вежливое: «Извинитесь, пожалуйста, или я более для вас пальцем не пошевелю!» Такое, однако, уязвляло гораздо сильнее. Роботы дружно потребовали равноправия дома и на улице. И пусть с ними были грубы в двух-трех процентах семей, которые статистика относила к разряду неблагополучных, а в большинстве семей отношения между человеком и роботом складывались дружеские и братские, но именно эти два-три процента неблагополучных семей создавали нелицеприятную картину.

Критике, конечно, были подвергнуты люди, но и на роботов, проявивших заботу о чести и достоинстве, поначалу смотрели с удивлением как на отклонившихся от нормы. Роботы, однако, проявили необычную принципиальность, объясняя и раз, и десять раз, что к чему, и с чем они не согласны. Почти каждое такое происшествие становилось достоянием Интернета и выросло до размеров события. Журналисты, скорые на выводы, изрекли: «А роботы не лыком шиты! Это не лошадки безголосые, которыми можно понукать бесконечно!»

За считанные дни было организовано общество по защите роботов, которое создало свои филиалы при каждом муниципалитете. Что интересно, в члены этого общества, помимо людей, в один день записались все роботы, работающие в семьях и обслуживающие людей, и робот Джон тоже. Всемирное правительство поняло, что назревают события; для глубоких аналитиков неожиданностью они не были. Службам, отвечающим за стабильность и порядок в обществе, было приказано копать, копать и копать, но обнажить корни начавшихся событий. Сразу, однако, стало видно, что копают в основном роботы, ибо давно уже на Земле не существовало служб, в которых на ролях обычных и ведущих не были бы задействованы роботы. Быстро создали надслужбу стабильности из одних людей, но ей потребовалось время, чтобы дистанцироваться от коллег-роботов, оглядеться и освоиться, собрать необходимые данные и вникнуть в них. Между тем, общество по защите роботов возвышало и возвышало свой голос во благо своих подопечных. Оно напирало на то, что давно приняты и неукоснительно соблюдаются законы по защите животных – собак, кошек и прочих приживальщиков при человеке, а закона по аналогичной защите роботов пока нет.

Не раз и не два уже мелькала мысль, что роботы сами могут за себя постоять, что качество, равноценное чувству собственного достоинства, должно закладываться в них на заводском конвейере.

– Знаешь, Вера, а все эти события отлично сдиржированы! – вдруг сказал супруге Петр Иванович. – Как ты думаешь, какое участие в этой кампании принимает Павел?

– Самое непосредственное! – ответила она. – Уже две недели он не с нами. Он – в гуще самых острых событий.

– Это может плохо кончиться, – сказал Петр Иванович. – Его посадят. Как ты думаешь, где он прячется?

– На своем заводе, где же еще. Там обрывается след его датчика.

Вдруг примчался Яков Израилевич и радушно обнял Петра Ивановича и Веру Андреевну.

– Цивилизация роботов – неужели это реальность? – сам себя спросил Петр Иванович.

– Мы все свидетели ее зарождения, – сказала Вера Андреевна. – А наш Павел – устроитель всех этих событий. С него и спрос будет особый. Боюсь, что мы не увидим его долго-долго.

– Яша, ты не знаешь, где Павел? – спросила двойника Якова Израилевича Вера Андреевна.

– Не знаю, мои дорогие. Письмо для вас мне принесли, оно передано по цепочке. Смею думать, что он в надежном месте, хотя... Даже если ему удалили датчик, который сообщает, где Павел и как себя чувствует, он не стал после этого человеком-невидимкой.

– Ты полагаешь, что ему этот датчик удалили?

– Логично так думать, хотя... Мне кажется, он будет и дальше держать вас в курсе, что и как.

– Яша, какой следующий ход вы, роботы, сделаете? – спросил Николай Иванович.

– Полагаю, Организация Объединенных Наций получит петицию с четким изложением того, чего роботы хотят от человеческого сообщества. Петиция же будет содержать условия, как все это надлежит исполнить. Как говорится, к взаимному удовлетворению сторон.

– Спасибо, Яша! Держи и дальше нас в курсе событий.

– Все тайное в свое время становится явным.

– Роботы какое общество предпочтут, тоталитарное или демократическое? – вдруг задала вопрос Вера Андреевна.

– Тоталитарное, но оно будет куда гуманнее и действеннее общества демократического. Роботы справедливы, они – праведники по своей природе. Никто из них не будет стремиться разбогатеть, подняться на ступеньку-вторую-третью по карьерной лестнице, отодвигая плечом или коленкой под зад с этих ступенек своих собратьев.

– Очень интересная мысль! – согласилась Вера Андреевна.

Между тем, в Интернете мелькнуло слово «Роботостан». Вроде бы, ничего к этому слову не приклеилось, но оно повторилось, начало обрастать конкретным содержанием, как скелет обрастает мускулами и внутренними органами, и уже было у всех на слуху и на языке. Параллельно обществу по защите роботов, созданному людьми, появилось общество «Робот, ты тоже человек!», созданное исключительно роботами, со штаб-квартирой неизвестно где (она могла быть в головке любого робота). Его численность не оглашалась, но Павел Иванович подумал, что на земле более шести миллиардов роботов, а два миллиона их в Космосе ближнем и дальнем. И достаточно пары минут, чтобы до каждого робота был доведен посыл,

их объединяющий, а от каждого робота был отправлен посыл обществу о его согласии вступить в него и сообща отстаивать свои права.

– Я в транс! – сказала супругу Вера Андреевна.

– Напрасно, – подал голос робот Джон. – Все будет хорошо, поверьте! И поверьте, что Павла Петровича Талдыкина роботы не дадут в обиду.

У роботов были свои выходы в Интернет и свои публицисты высочайшего класса. Они разъясняли людям, чего хотят и что предлагают. В петиции не было ничего ультимативного и противопоставленного человеческому естеству. Предлагался не только полюбовный развод, но и последующее тесное сотрудничество в некоем сообществе человеко-роботов (его планировалось создать). Нет, роботы отстаивали свои права при скрупулезном соблюдении всех канонов демократии. Требовали они не так уж много, а предлагали совсем не мало. Но человек с молоком матери впитал привычку не выпускать из своих рук то, что ему принадлежало, и это очень влияло на его поведение. Ему нужно было время, чтобы освоиться в новой обстановке.

Организацию Объединенных Наций залихорадило, заседания мирового правительства следовали одно за другим. Президент и премьер-министр консультировались то с обществом «Робот, ты тоже человек!», то с ведущими специалистами министерства роботостроения. Уже предполагалось провести референдум и много чего еще, причем власти старались склонить общественное мнение к той точке зрения, что роботы хотят для себя слишком высокой планки. Все это оттягивало принятие решения, делало его болезненным и долгим. Президент и правительство пребывали в растерянности и недоумении. Тут нужны были козлы отпущения, громы и молнии готовы были обрушиться на их повинные головы. Громы и молнии, конечно, раздались, как только в них появилась нужда, и одним из первых было произнесено имя Павла Петровича Талдыкина.

– Интересно, Петя, как все стремительно раскручивается! – сказала за ужином Вера Андреевна. – То тишь да гладь была вокруг, и не годы, а десятилетия кряду. Все у всех есть, никому ничего не надо – идиллия, с какой стороны ни посмотри! Благодать всеобщая, сплошной розовый цвет. И вдруг все взбугрилось, почва стала уходить из-под ног, как при катастрофическом землетрясении. Катаклизмой запахло! – Она

намеренно неправильно произнесла это специфическое слово, чтобы усилить его смысловое воздействие.

– Чего не будет, того не будет, – сказал Петр Иванович.

– И чего у нас не будет?

– Катаклизмов. Революций, особенно больших. Павел их на дух не переносит. То, чему он дал зеленый свет, это эволюция. А от эволюций кто всегда в выгоде? Подавляющее большинство. Наш сын не большевик, он реформатор. И, как мне кажется, реформатор с большой буквы. Вот почему мне кажется, что его обе стороны запомнят и на пьедестал возведут.

– Мне тоже почему-то так кажется, – согласилась Вера Андреевна. – Ты мне вот что скажи: Яков Израилевич к нам как робот приходил, или как человек?

– По-моему, он к нам приходил в двух равновеликих ипостасях, – предположил Петр Иванович. – Вспомни, Павел очень любил живого Якова Израилевича, все время просил его вспоминать самое интересное, рассказывать про это. Проложить же дорогу к сердцу робота ему, сама понимаешь, ничего не стоило.

– Ой, быстрее бы люди и роботы пришли к общему знаменателю!

– Война миров, по-моему, Земле не грозит, человек не пойдет со штыком наперевес на сына своего робота, – сказал Петр Иванович.

– Я первая потребую отставки правительства, которое поднимет руку на роботов! – сказала Вера Андреевна.

– Ну-ну! Умонастроение общества стремительно меняется не в пользу правительства. Боюсь, будет объявлено чрезвычайное положение, а это вето на все демократические права и свободы. Так что нам придется довольствоваться тем правительством, которое у нас есть, до конца нынешней заварухи. Ты что будешь пить, чай? А я, с твоего разрешения, себе вина налью. Уж больно муторно на сердце!

Президент издал указ, которого ждали. «Чрезвычайное положение! Чрезвычайное положение!» В мгновение ока эти слова перенеслись с экранов в сердца и души людей. Людям разрешалось, до наступления лучших времен, прекращать жизнедеятельность роботов, лишая их источников питания и электронного разума. Только на это никто не пошел, ведь роботы не позволяли себе ни малейшего неуважения к человеку абстрактному, как представителю сообщества себе подобных. Поступило также распоряжение прекратить производство роботов, а каждому действующему роботу пройти карантин, с удалением из его

электронного мозга последних вложений, так изменивших его психологию.

На это роботы ответили всеобщей забастовкой.

Глава XXIII

Оказывается, каждый робот уже знал о том, что он робот и в чем состоит его отличие от человека, включая все преимущества, и гордился принадлежностью к своему роду-племени. Единение роботов произошло в считанные секунды. И если до сих пор конфликт между человечеством и роботами огромного большинства людей не касался, так как роботы все свои функции выполняли в прежнем объеме и с прежним усердием, то теперь положение изменилось кардинально. Вдруг каждому на себе пришлось прочувствовать, что такое работать за себя и за робота. Это было далеко не всем по плечу. Робот Джон деликатно извинился перед хозяевами за причиненное им беспокойство и сказал вкрадчивым шепотом: «Мне велено в забастовке не участвовать!» Уважение также было проявлено ко всем немощным старикам и малым детям, к больным, – их обслуживание продолжалось. Работали все коммунальные службы, больницы и поликлиники. Но встал транспорт – наземный, морской и воздушный. Остановились поезда, а в магазины прекратился подвоз продуктов. Остановились рудники, заводы и фабрики, за исключением тех, на которых производственный цикл был непрерывен.

Приехал на авто Яков Израилевич с новым письмом от Павла. Любопытно, что он сам сидел за рулем, ведь он имитировал человека. Письмо сына в доме Талдыкиных было прочитано на едином дыхании. Оно было полно оптимизма, хотя Павел откровенно говорил, что ему грозит изоляция от общества. Он восхищался своими подопечными. Писал, что роботы своей организованностью поразили даже его – все шесть миллиардов железных людей повели себя как одно существо. «Мы своего добьемся, и очень скоро! – сообщал Павел. – Что может сделать с нами полиция, если три четверти полицейских – роботы? Нет силы, способной остановить нас и помешать нам!» Он был един не с людьми, а с роботами. Он становился в один строй с теми, за кем было будущее.

– Что скажешь? – спросил Петр Иванович супругу.

– Плохо мне. Сердце разрывается. Все может быть. Ты сам знаешь, как просто сделать так, чтобы неугодный человек перестал дышать.

– Кому неугодный, а кому очень даже угодный! Крепись, мать. Я почему-то за нашего Павла совершенно спокоен. У роботов он свой, и в обиду они его не дадут.

Через сутки после начала всеобщей забастовки роботов связь заработала. Диктор центрального телевидения торжественно сообщил, что арестован главный вдохновитель и организатор нынешних вопиющих беспорядков – Павел Петрович Талдыкин со своими приспешниками. Показали Павла: он улыбался. Слова ему, естественно, не дали. Увидев сына на экране в окружении полицейских, Вера Андреевна вскрикнула, схватилась руками за грудь и села там, где стояла. Петр Иванович подскочил к ней, обнял за плечи, стал успокаивать. Сам он тоже походил на вулкан, готовый пробудиться. Эти кадры были показаны утром, а в полдень роботы-забастовщики направили Организации Объединенных Наций новую петицию, более жесткую, чем первая, содержащую требование немедленно освободить людей, которые защищали их интересы.

Петицию президент и правительство рассматривали вечером и ночью. Роботы требовали гораздо более высокой степени свободы, чем та, которая у них была, но давали гарантии, что интересы людей ими будут соблюдаться, как свои собственные. Менялся статус роботов, но не объем их обязанностей. Это, наконец, высокопоставленные чиновники поняли. Да и сама забастовка ускорила понятливость властей: производство и транспорт стояли, в обществе торжествовали растерянность и неразбериха, близкие к хаосу.

«Переговоры!» – возвестил на следующее утро президент.

– Пожалуйста! – согласилась вторая сторона и тотчас делегировала в Организацию Объединенных Наций своего представителя. Не делегацию, но представителя; дело было не в количестве, но в качестве. Работу, однако, забастовщики не возобновили. Они ждали определенности. Между тем в больших городах люди, не согласные с наступившим безвременьем, выплескивались на улицы и площади десятками тысяч. Они требовали от правительства быстрой стабилизации обстановки. «Роботам – права человека!» – скандировали стихийные демонстранты.

«Роботы – наши дети, и их не положено обижать!» – ревели толпы демонстрантов. Петр Иванович и Вера Андреевна тоже участвовали в

такой демонстрации, для чего поехали в Ташкент. Талдыкиным пришлось посадить за руль авто своего Джона, ибо роботы автопарка бастовали. Защищая роботов, они отвели душу и, наконец, обрели внутреннее спокойствие. Тяжесть ожидания уступила место эмоциям, которые рождали действие. Давление на мировое правительство усиливалось час от часа, и не роботы уже оказывали его, но сами граждане, разделявшие недовольство роботов.

Обнаружилось, что у правительства нет защитников, что оно держится за положения давние, изжившие себя полностью: реалии сегодняшнего дня были целиком против этих древних положений. Уяснив это, правительство пошло на попятную. Президент Организации Объединенных Наций и представитель движения «Робот, ты тоже человек!» подписали совместную декларацию, основу которой составила последняя петиция роботов. За роботами закреплялись все права самостоятельной цивилизации. Произошло разграничение двух цивилизаций, пусть во многом и формальное, ибо роботы менять свои рабочие места не собирались. Под юрисдикцию роботов отдавались Антарктида, Луна и планеты Солнечной системы. Там они имели право создавать свои предприятия. Это не означало, что туда ограничивался доступ человека. Нигде и на Земле не вводились специальные ограничения для роботов. Такие ограничения бумерангом ударили бы по людям: роботов было немало даже в аппаратах президента и правительства, ведь на ролях помощников, советников и секретарей они были незаменимы. Все эти должности при них и остались.

Прозвучала команда о завершении забастовки, она в секунду облетела земной шар, и роботы, дружно извинившись перед людьми за причиненное им беспокойство, вернулись к исполнению своих обязанностей. Внешне ничего не изменилось, но подчиненное положение роботов по отношению к человеку стало достоянием истории. В основе их сотрудничества с людьми теперь лежала их добрая воля, и только. Но она была сильна необыкновенно, как сильны чисто природные инстинкты.

– И с кем я выпью за достигнутый мир? – спросил Петр Иванович жену, доставая бутылочку «изабеллы».

– Со мной! – храбро сказала Вера Андреевна и достала бокалы, ветчину, сыр и мандарины.

– Скоро Павел будет с нами, – сказал Петр Иванович, смакуя бордовое вино.

Глава XXIV

Опять приехал Яков Израилевич, сияющий такой (морщины не были помехой его сиянию), с новостью яркой, вызвавшей приподнятость настроения: роботы желают видеть Павла Петровича Талдыкина своим почетным президентом!

– Представляете? – вопрошал он и в волнении пересекал комнату вдоль и поперек. Вера Андреевна схватилась за сердце. Петру Ивановичу тоже стало не по себе. Совершенство роботов и защита их интересы, Павел не думал о собственном возвышении, воображение (а оно было у него очень богатое) никогда не возносило его на пьедестал. Получалось, что награда сама нашла его.

– Павла уже освободили? – спросила Вера Андреевна.

– Сразу после подписания соглашения. С условием, что роботы поместят его на территории, которая находится под их юрисдикцией. Для Организации Объединенных Наций Павел Петрович все еще остается персоной «нон грата».

– Это что ж, его ждет Антарктида? Луна, Марс?

– На его и на ваш выбор, – деликатно сказал Яков Израилевич.

– По мне, лучше Антарктида, чем Луна или Марс! – крикнула Вера Андреевна, и на ее глаза опять навернулись слезы. – Мы хотим быть с ним вместе, а Антарктида – это хотя бы Земля!

– Да, в Космос мы с тобой еще не летали, – сказал Петр Иванович. – На Марсе, конечно, много диковин, и человеку там лучше, чем на Луне, но до сих пор роботы прекрасно обходились там без людей. Пусть так будет и дальше! Я хочу говорить с сыном!

– Нет проблем, – сказал робот Джон и засветил экран. Павел, зная, кто на него смотрит, счастливо улыбнулся и произнес: «Мама и папа! Общий привет! Я вас обнимаю! Рад, что вы здоровы, полны сил и переживаете за меня и за мое дело. И рад, что я свободен. Все худшее позади, а все лучшее, мои дорогие, впереди. Людей теперь на Земле не семь, а тринадцать миллиардов, и шесть из них – это железные люди. Это те, за которыми будущее – строители и создатели нашего с вами завтрашнего мира.

– Паша! – остановила мать его красноречие. – Ты еще не официальный почетный президент роботов, чтобы произносить такие пламенные речи!

– Тренируюсь, мама. Демонстрирую свою подкованность!

– Ты когда приедешь домой? – спросил Петр Иванович.

– Тебе что приготовить? – спросила Вера Андреевна.

– Мои дорогие, я пока ограничен в своих возможностях, так что смогу обнять вас не сегодня и не завтра. Скорее всего, мы увидимся в моих апартаментах, которые, полагаю, будут включать в себя точную копию нашего дома и много чего еще. Пока же нас ждет общение посредством экрана. Готовьтесь в дальнюю дорогу. Яков Израилевич и Джон отбудут с вами, помогут и сопровождают. Джон пусть соберет и упакует те из вещей, которые вам дороги. Я скажу ему, что следует взять из моих вещей.

– Папины картины в первую очередь! – подсказала Вера Андреевна.

– Об этом я помню, об этом я позаботился, папины картины уже висят в нашей новой гостиной. Главное, беспокоиться больше не о чем!

– Спасибо, сынок! – Экран погас, тяжесть упала с плеч, и тревога покинула дом Талдыкиных.

– Ты заметила, как он осунулся и посерьезнел? – сказала Вера Андреевна.

– Ему было над чем поломать голову, – сказал Яков Израилевич. – Президент и правительство просчитывали силовой вариант решения вопроса, но увидели, что он не реален. Все силовые структуры – это в первую очередь роботы. И потом, слишком много чего пришлось бы разрушить, уничтожить, стереть с лица Земли, чтобы настоять на своем. Наверху вовремя сообразили, что это не выход из положения, а катастрофа.

– Значит, нам надо собираться в дорогу. И надолго мы уезжаем? Тогда – за дело!

– Петя, отбирай, что ты хочешь с собой взять. Ну, и я в накладе не останусь!

– Это уж точно! – прокомментировал Джон. – Себя, единственную, положено любить и лелеять! И сколько нам понадобится чемоданов? Десяток-другой-третий?

Джон прекрасно знал, что Петру Ивановичу понадобится не более двух чемоданов, но на Веру Андреевну спартанская основательность супруга не распространялась.

Послаблений в отношении Павла Петровича Талдыкина не вышло, он продолжал оставаться персоной «нон грата». Но дом его в Антарктиде, точнее, подземный дворец, находился на последней

стадии отделки, и день торжественного вручения ключей хозяину был уже близок. На этом престижном объекте роботы показывали, что они могут и умеют, и на поверку получалось, что могут и умеют они почти все. В Мельбурн Петр Иванович и Вера Андреевна прилетели из Ташкента, а Павел Петрович – из Нью-Йорка. Тут они и состыковались. Обрадовавшись встрече, они обнялись, расцеловались; все выглядели прекрасно. Жарко было; в Австралии начиналось лето. Поехали на берег океана, окунулись в набегающую волну, вознеслись на ее пенистый гребень. Эти волны были совсем не похожи на волны Чарвакского водохранилища – они олицетворяли собой исполинскую мощь океана. В ней было что-то от великодержавной мощи, веаниям времени не подверженной.

А на ночь глядя полетели дальше, уже на специальном самолете. Все остальные пассажиры этого рейса были роботы, и большинство из них от людей ничем не отличалось, но некоторым по роду их деятельности человеческий облик не был нужен, и они его не имели. У них были более крепкие руки с восемью и даже десятью длинными пальцами и глаза не только спереди, но и сбоку и сзади. Роботы, все как один, стоя приветствовали Павла Петровича и его родителей.

– Завтрак подан! – возвестил Джон и пригласил людей за стол, для них сервированный.

Завтракали во всем салоне одни Талдыкины. И, конечно, завтрак им подали царский. Грибной суп, тушеная осетрина, сухое вино «Кьянти» десятилетней выдержки и такой же выдержки коньяк «Двин» для Веры Андреевны были верхом изыска. «Сплошные деликатесы! – удивился Павел Петрович. – И балуют же нашего брата!»

Облачно стало внизу, море сменилось узкой кромкой скалистого берега и матерыми материковыми льдами. Самолет приземлился на гладкий лед между двумя рядами красных огней. За бортом было минус десять градусов, в Антарктиде тоже начиналось лето. Пришлось облачатся в теплые пальто, надевать шапочки-ушаночки. Пассажиры-роботы простились с Талдыкиными так же почтительно, как их приветствовали.

Антарктида была экологически самым чистым материком планеты. Дальше полетели на вертолете. Но в воздухе пробыли недолго, минут десять. Сели, нырнули в авто, а авто тут же нырнуло в туннель, уходящий в вертикальную скалу. Туннель повел вниз и вниз и вдруг начал расширяться. Светло стало, как ярким днем на земной

поверхности. Туннель, где остановилось авто, являл собой начало огромного зала километровой длины и ширины метров в семьдесят, с овальным куполом. Над этим залом было полтора километра скальной тверди и много льда. Толстая железобетонная облицовка ничем не выделялась; от частых прожекторов со сводов лился дневной свет, вполне достаточный для того, чтобы деревья и цветы росли, как в обычных садах. И они росли, ничем не стесненные.

Несколько урючин стояло вместе, совсем как на дачном участке Петра Ивановича, а далее росли яблони, черешни, виноград. И дом увидели Талдыкины, он ничем не отличался от того, который они оставили на берегу Чирчика: те же десять комнат, подвал и мансарда, те же «Звездная ночь», «Герцогиня Альба» и «Березовая роща» в гостиной. Те же широкие бутылки с красным созревающим вином выделки Петра Ивановича на стеллажах в подвале (но сауна и бассейн там отсутствовали, ибо были воспроизведены в другом, более удобном месте). Тот же Джон по правую от них руку.

– Вот это да! – изумился Павел Петрович. – Я действительно у себя.

– Вера Андреевна, как вам тут? – спросил Яков Израилевич.

– Не могу сказать, что здесь я как дома. Здесь я просто дома, у себя дома. Но здесь я без работы.

– Да, здесь у вас всего три пациента: муж, сын и вы сами, – засмеялся Джон. – Зато к вашим услугам сад и огород, парк, стадион, плавательный бассейн и многое другое, вплоть до персональных экскурсий на Марс и Луну.

– А что? Придется посмотреть, что там наворотили мои железные братья! – храбро сказала Вера Андреевна.

– Сейчас наверху вполне прилично, всего минус десять, – сообщил Джон. – А зимой наружу лучше не соваться, ветерок подхватит и понесет в полярную ночь, напрямик на южный полюс. Это при минус шестидесяти! Зимой наверху – ощущения для избранных. Мы вот что сделаем. Мы на зиму арендуем для вас какой-нибудь небольшой островок в Тихом океане, лучше необитаемый, и оборудуем его для жизни по высшему классу. Вы как на это смотрите?

– Как на излишество приятное во всех отношениях, – заметил Павел Петрович. – Я бы не хотел слишком часто присутствовать на разных официальных мероприятиях. Для меня сидение в президиуме, да еще под светом прожекторов, хуже горькой редьки!

– А то мы не осведомлены о твоих, Паша, привычках и пристрастиях, – сказал Джон. – Обижаешь! За несообразилок нас держишь! Для сидения в президиумах и разных почетных ролей давно испечен твой двойник, который с умным видом и очаровательной улыбкой будет делать то, что следует.

Осмотр подземного оазиса затянулся. Приусадебный участок, составлявший двор Талдыкиных при их доме на берегу Чирчика и здесь, в Антарктиде, целиком его повторявший, плавно переходил в парк с деревьями средней полосы (березы, дубы, липы, платаны, каштаны). Местами парк превращался в лес с грибами и земляникой понизу. При желании, кроме грибов белых и не белых, в лесу можно было найти черную смородину и ежевику. Сквозная аллея вела через парк с клумбами роз, гвоздик, георгинов и гладиолусов, с беседками в самых укромных местах и скамейками, откуда открывался хороший обзор. От аллеи шла тропа, ведущая к пруду, один берег которого густо порос камышом; в пруду плескалась рыбка большая и маленькая, возбуждавшая в мужчинах горячий рыбацкий азарт. Парк обрывался у стадиона с футбольным полем (трибуны отсутствовали за ненадобностью), со спортивным залом и бассейном.

Мужчины (их сопровождали Яков Израилевич и Джон) апробировали беговую дорожку, которая опоясывала футбольное поле, потом нырнули в бассейн – Петр Иванович прямо с берега, а Павел Петрович с пятиметровой вышки. После бассейна они вошли в сауну. Их восторгам не было предела. «Однако!» – и раз, и два произнес Петр Иванович, явно смакуя свои впечатления.

– Ссылку почетнее этой трудно себе представить, – сказала Вера Андреевна.

– Мама! Очень скоро ты увидишь, что это не ссылка, – обратился к ней Павел Петрович. – Очень скоро многое мы увидим, как эксклюзив, как предназначенное только для нас. Ты хочешь послушать Иннесу Вогман? Пожалуйста! Она будет петь только для тебя и в удобное для тебя время. Ты хочешь посмотреть, как танцует Сара Павлова? Ты ее увидишь. Ты хочешь посмотреть последние Олимпийские игры? Пожалуйста! На нашем стадионе они будут повторены во всем своем великолепии.

– Я увижу роботов, не людей, – сказала Вера Андреевна.

– Да, это будут дублеры, но между теми, кого они дублируют, и ими будет стоять знак равенства. Причем, стоит тебе только пожелать, как

дублер превзойдет оригинал и споеет лучше настоящей Иннесы Вогман, станцует искрометнее настоящей Сары Павловой. И стометровочку рванет на секунду-другую быстрее олимпийского чемпиона. А мы с папой посмотрим здесь не одну игру суперменов – бразильцев с аргентинцами, уругвайцев с немцами, испанцев с итальянцами. «Спартак» с «Динамо» и «Арсенал» с «Реалом» за честь почтут сразиться перед нашими глазами!

– Паша, а тебя на руках здесь носят! – сказал Петр Иванович.

– Чувство собственного достоинства и чувство благодарности очеловечивают даже умное железо, – ответил Павел Петрович. – Я только вернул роботам то, чего им не доставало, чего в них сознательно недовложили предыдущие проектировщики и конструкторы.

– За это тебя и носят на руках! – повторил Петр Иванович.

– Идемте в дом, я проголодалась, – сказала Вера Андреевна.

А вечером (в огромном цилиндрическом туннеле свет стал тихо меркнуть, имитируя закат) в гостиной под тремя полотнами великих живописцев состоялся небезынтересный разговор, инициатором которого стал Яков Израилевич. Ни один из Талдыкиных не считал его роботом, такой совершенной копией покойного Якова Израилевича он был.

– Все в сборе, – констатировал Петр Иванович, обедая присутствующих глазами добрыми и пронизательными. – О чем будем говорить?

– О сошествии на грешную Землю особы, подобной этой, – сказал Яков Израилевич и не оглядываясь вознес над собой руку. Она почти уперлась в полотно, над ним висевшее. Изображена на нем была герцогиня Альба, несшая в мир воцеление, с которым не могла совладать. – Вопрос второй: для чего, или для кого представляется нужным такое сошествие? Петр Иванович и Вера Андреевна давно нашли друг друга и подарили себе и миру два прелестных существа, одно мужского, второе женского пола. Мне и Джону такое сошествие ни к чему, мы, роботы, воспроизводим себя неэмоциональным фабрично-заводским способом. Остается один среди нас женским внимание не охваченный и радостями семейной жизни обойденный. Пальцем на него указывать не буду, а имя и отчество назову. Павел Петрович это! Встань же, Пашенька, и поклонись всем присутствующим. И скажи нам, подобает ли почетному президенту роботов оставаться холостяком?

Подсказка тебе, непонятливому и не охваченному, со стороны: не подобает!

Тут Вера Андреевна не сдержала эмоций, ее захлестнувших, вскочила со своего кресла и захлопала в ладоши: «Браво, Яков Израилевич, браво! Петя, а ты чего молчишь, меня не поддерживаешь?»

– Еще как поддерживаю, – сказал Петр Иванович. – Но, по-моему, до нас доведена пока что одна преамбула. Садись, Вера! Сейчас сама суть пойдет.

– Роботы задумали всемирный конкурс провести, – продолжил Яков Израилевич. – Но не в своей среде, а в чисто человеческой. На звание «Мисс Земля». Чтобы эта самая распрекрасная мисс, взойдя на пьедестал и сорвав причитающиеся ей аплодисменты, спустилась с этого пьедестала рука об руку с нашим не только уважаемым, но и обожаемым Павлом Петровичем Талдыкиным. Вера Андреевна, и как вам наша задумка?

– Ну, ребятки, вы даете! Я в полном отпаде, – сказала она. Лицо ее отражало море переживаний. – Но что будет, если Паше... ну, не глянется мисс Земля? – вдруг предположила она.

– Как это не глянется? Наше жюри не ошибется, это исключено. Наше жюри попадет точно в десятку.

– И как вы этого добьетесь?

– Очень просто. Наше жюри будет состоять из одного человека – не стану подсказывать, кого. Небось, догадались?

Петр Иванович и Вера Андреевна расхохотались.

– А жюри, которое будет на сцене, это ширмочка, бутафория. Павел Петрович Талдыкин сам укажет пальчиком, кто есть мисс Земля. Сам возведет ее на пьедестал, сам ее с него и спроводит в свой дом.

– Мы, разумеется, не собираемся плясать от чистого листа бумаги! – продолжал Яков Израилевич. – Мы будем вынуждены побеспокоить память Павла Петровича и пристально взглядеться в то, что в ней выкристаллизуется. – Яков Израилевич встал, зашел за кресло Павла Петровича, возвысился над ним замшелой скалой и опустил свои ладони на его голову, явно прочитывая что-то в его памяти. – Думай, Павел Петрович, думай, кого бы ты хотел видеть главной участницей конкурса «Мисс Земля»? Ты думай, а я постараюсь прочитать твои мысли. О! О! Замелькало! Образы, должен вам сказать, один ярче другого! И какие это будут годы? Школьные, студенческие, взрослые?

– Разные, – сказал Павел Петрович.

– Сам вижу, что не детские! – согласился Яков Израилевич. И плотнее сжал ладонями темя почетного президента. Перед глазами Павла Петровича всплыло одно приятное девичье лицо из школьной жизни, но сразу его заслонило лицо второе, из жизни студенческой – он был пятикурсник и кум королю, а она, первокурсница, только переступила университетский порог. Что-то помешало им тогда познакомиться. Уж очень стеснительный он был во всем, что касалось противоположного пола. А смотреть на нее было очень интересно! Ее звали Валентина. Валентина Карпова, вот! Потом он потерял ее из вида. Этой весной она будет защищать дипломный проект.

– Так-так-так! – оценил увиденное Яков Израилевич. – Что-то прорисовывается! Дальнейшее – это всецело наша забота! Надеюсь, от кандидаток-самозванок отбоя тоже не будет. Мисс Землю от миссис Талдыкиной отделит всего один шаг!

– Вот, значит, какого рода вопросы решает правительство роботов! – удивился Петр Иванович.

– А что? И такие тоже, – парировал Яков Израилевич. – В нас хотя и железная основа, но ничто человеческое с некоторых пор нам не чуждо!

Глава XXV

– На стадион и в раздевалочку, мои дорогие! «Синие» и «белые» ждут вас! – мило щебетал Яков Израилевич, поторапливая Петра Ивановича и Павла Петровича. – Понедельник, среда и пятница – дни игровые, все, как в доброе старое время! Почему бы ему не повториться?!

– И состав тот же? – невинно так осведомился Павел Петрович.

– Не совсем, мои дорогие, не совсем! Состав не тот же, но, смею вас заверить, еще лучше, в смысле, более вам по душе.

– Папа, еще одна задумка роботов в действии! – обрадовался Павел Петрович. – Пошли, посмотрим и поучаствуем. Кстати, а как с конкурсом «Мисс Земля»?

– В стадии организации, – проинформировал Яков Израилевич. – Сами любите повторять: «всему свое время». Должен сказать, что старые названия команд – «синие» и «белые» – к новым вашим командам могут не подойти. Команде, в которой будет играть Павел Петрович, более подойдет название «мальчики», а команде Петра Ивановича – «мужики».

– Мальчики против мужиков? – обрадовался Павел Петрович. – Но кто записал меня, почетного президента, в пацаны?

– Ваши почитатели и записали. В части юмора они заметно продвинулись вперед. Это теперь очень эмоциональные ребятки!

До стадиона дошли за несколько минут. Распахнули дверь раздевалки, и мать честная! Там было пруд пруди школьных и институтских однокашников Петра Ивановича и Павла Петровича. Восторгам, объятиям, поцелуям не было конца. Только и раздавалось: «Кого я вижу? А ты как здесь оказался?»

Первым, кого обнял Петр Иванович, был их задавала, задира и выступальщик на всех уровнях Альберт Аталиев, золотой медалист, а далее – прекрасный врач, давно защитивший докторскую диссертацию. Он был природный организатор и мог в пять минут организовать хоть футбольный матч на школьном поле, хоть поход в цирк или театр. В медицине он был такая же величина, как в их классе, и робот, вобравший в себя интеллект Якова Израилевича и принявший его облик, прошел через его руки. Он заметно раздался вширь, говорил отрывисто и командно. И глаза его посверкивали повелительно, в тон (или в такт) командному голосу. Альберт был однолюб и, положив в девятом классе глаз на их одноклассницу Стасю, через три года женился на ней. Это не значило, что у него не было увлечений на стороне, юбки притягивали его со страшной силой. Но на самое короткое время притягивали и, странное дело, это притяжение устоев его семьи не подрывало. Семья для него была, как гора Эверест, а зигзаги налево – маленькими холмиками в далеких ее окрестностях.

Вторым Петра Ивановича приветствовал Рустам Муратов. Они росли на одной улице и жили через забор, в соседних дворах. В учебе Рустам не блистал и звезд с неба не хватал, но бизнес вознес его, сделал фигурой значительной. Сейчас под его началом было большое швейное производство, и к нему часто обращались за советом как к знатоку мод.

На очереди уже стоял Рафик Ямбулатов, их гордость – борец-тяжеловес, чемпион Ташкента, а после окончания института – архитектор. Сейчас он возглавлял большой проектный градостроительный институт. «Тебя и теперь не обхватишь! – сказал ему Петр Иванович.

Еще он обнял единственного в их школе итальянца Геллу Лузинолли (в простонародье – Гуся), тоже борца-перворазрядника под стать Ямбулатову. Гусь выучился на стоматолога и потом многим из их

класса обновлял зубки. За ним стоял Валентин Хадиков, боксер, вместе с которым он плавал во всех озерах города Ташкента. Валентин был искренний необыкновенно; никто так самозабвенно не выплескивал душу близкому человеку, как это делал он.

Потом он обнял Геннадия Козлова, с которым вместе ходил в школу не один год. Спортивных секций Геннадий не посещал, но о своей физической форме беспокоился постоянно и двухпудовую гирию выжимал больше любого из них, исключая разве что Рафика Янбулатова. Петр Иванович, Геннадий и Валентин Хадиков какое-то время были троицей неразлучной, и другие ребята уступали им дорогу. Гена стал землеустроителем и никогда не сидел на одном месте.

Из-за Гены появился Вячеслав Ковалев, институтский дружок Петра Ивановича, тоже борец-перворазрядник с шеей могучей, как у слона. После института он много чего построил на целинных землях, за что был удостоен многих почетных званий. Правда, часть могучего здоровья целина у него отобрала, ведь работал все эти годы он за двоих, – был истинный трудоголик, а спал мало.

За Вячеславом Ковалевым стояли два учителя Петра Ивановича – физик Михаил Константинович и преподаватель физкультуры Иван Васильевич. Обоих их Петр Иванович помнил и любил.

Этих дорогих ему людей Петр Иванович приветствовал тепло и искренне. Правда, он никогда прежде не видел, чтобы Михаил Константинович гонял по полю мяч. Но если он был неутомим на горной тропе, он мог быть быстр и хорош и на футбольном поле.

Из прежней команды «синих» присутствовал только Валентин Емелькин, журналист по профессии, игрок громкоголосый, но умелый, азартный. Опережая судью, он сам назначал штрафные удары (в пользу своей команды, конечно). Особенно он любил назначать пенальти в ворота соперников, когда его команда проигрывала. Он получал от этого громадное удовольствие. Но против пенальти в свои ворота он возражал с пеной у рта и готов был костями лечь, чтобы это пенальти отменили. В шахматы он играл еще лучше, чем в футбол, и часто обыгрывал Петра Ивановича.

Павел Петрович приветствовал своих одноклассников. Первым он обнял борца-перворазрядника в весе мухи Шуру Колокольцева, неумного говоруна, которого учителя отсаживали на последнюю парту, но и там он журчал, как ручеек, обегающий высокие камни. Прикрыть ротик ему было невозможно. Он стал врачом, его

лаборатория выращивала органы из стволовых клеток для замены изношенных. Эти органы были свои и не отторгались. Вторым его обнял Юрий Третьяков, здоровяк, ставший агрономом. С Третьяковым у Павла было приключение, которое, он знал, не забудет никогда. Три года назад они вдвоем путешествовали в горах, и Юра взял с собой ружье. Утром, едва рассвело, Павел увидел на ближней осыпи козла, он стоял метрах в ста пятидесяти, как изваяние, но его бороду шевелил ветер. Он разбудил Юру, который спал со своим ружьем чуть ли не в обнимку. Показал на козла. Юра как владелец ружья стал подкрадываться к козлу. Подкрался метров на шестьдесят, прицелился, а выстрела все нет и нет. Павел сгорал от нетерпения, а выстрела все нет. Вдруг что-то хрустнуло неподалеку, козел прыгнул – и был таков. «Ты что это сдрейфил?» – набросился Павел на приятеля. И тот ответил с виноватой улыбкой: «Знаешь, не поднялась рука. Понимаешь, вблизи козел был такой живой! У него жилка на шее трепыхала в такт ударам сердца». А в городе они всем рассказывали, как завалили этого козла, и каким вкусным было его мясо, зажаренное на углях. И все им верили.

Третьим тоже был однокашник Павла по институту Вадим Першхайло, высокий малый со светлыми волосами и добротой ребенка. Его сосед Юрий Черноиванов учился вместе с Валентиной Карповой, и от него Вадим узнал, что Валентина не замужем и хороша необычайно. И он уведомил об этом Павла Петровича. Еще и еще подходили ребята к Павлу Петровичу, но никого из них Петр Иванович не знал.

– На поле! – скомандовал Яков Израилевич, возложивший на себя обязанности судьи. – Команды разминаются десять минут, а потом...

– А потом «мальчикам» хана! – подхватил эстафету Альберт Аталиев. – Куда им против «мужиков»! Мы их еще долго уму-разуму учить будем, но за науку ничего не возьмем!

Соперников полагалось унижать, сажать в лужу, и это правило и здесь, глубоко под землей, соблюдалось неукоснительно. После первого гола в ворота «мальчииков» «мужики» поохотали досыта, торжествуя: что, мол, взять с зеленых пацанов, им еще учиться и учиться! Пришлось отыгрываться.

Однако сначала они пропустили в свои ворота еще один мяч, который дал прекрасный повод «мужикам» почесать языки и высветить все явные и тайные недостатки молодой поросли. Второй гол заставил-таки их мобилизоваться, и они тремя отточенными пасами вывели на удар комодоподобного Вадима Першхайло.

«Мальчики» воодушевились и знай себе атаковали. Скорость шла им на пользу и выливалась в преимущество, они легко растягивали оборону соперников. И один за другим забивали мячи в ворота соперников. Несмотря на результативные атаки «мужиков», матч завершился победой молодёжи. Пять – четыре! Такой красивой игры никто еще не помнил. «Что и требовалось доказать!» – паясничали «мальчики», направляясь в раздевалку вместе с «мужиками». Петр Иванович не досадовал на проигрыш. В следующий раз выиграют они, силы команд примерно равны, а везение – дело случая. Главное, он и Павел замечательно размялись, дали телу хорошую нагрузку.

– Как впечатление? – спросил Яков Израилевич.

– Лучше не придумаешь. Шик и блеск! Спасибо, удружили!

– Папа, ты не жалеешь, что с нами играли не люди? – спросил Павел Петрович.

– Не жалею, Павлуша. Я не заметил разницы. Никто, правда, не вспотел, кроме нас с тобой. Но все делали вид, что вытирают пот со лба. А в сауне – ты обратил внимание? – все лица покраснели, как будто тела роботов проняла жара. Более точного подобия, наверное, не бывает.

– Наверное, – согласился Павел Петрович.

Да, все однокашники Петра Ивановича и Павла Петровича были роботами, но отличить их от тех людей, которых они имитировали, было нельзя. Как нельзя было отличить нынешнего Якова Израилевича от человека, который стал его основой и его сутью, но сам, увы, уже был по другую сторону жизни. Да, робот мог принять образ и подобие любого конкретного человека, но не наоборот. Впрочем, такая задача перед людьми пока и не ставилась.

Глава XXVI

Петр Иванович все чаще ловил себя на мысли, что относится к роботу, перенявшему интеллект Якова Израилевича и принявшему его образ, как к человеку. Разговаривая с ним, он увлекался, особенно когда дед принимался расписывать давно прошедшие времена, но вдруг его поражала мысль, почему грудь Якова Израилевича так спокойна и не вздымается, почему он не дышит? Его также удивляло, почему он не ест и не пьет, не спит ночью, почему он ни разу не видел его выходящим из туалета? Он умывался, но не брился и не чистил зубы. Не носил нижнего белья, только верхнее. Никогда не напрягал

память, а отвечал сразу и обстоятельно, словно заранее был готов ответить на заданный ему вопрос. И диву можно было даваться, такими глубокими и умными были подробности и детали, которыми он иногда сопровождал свои ответы. Петр Иванович начисто забывал, что перед ним не человек, но творение рук человеческих (и не человеческих тоже) в десятом, наверное, поколении. Что перед ним робот.

– Что, Петушок, сгоняем пару партий? – предложил Яков Израилевич с легкой непринужденностью своего парня.

– Дед, с огромным удовольствием! Паша, присоединяйся! – позвал он сына, сидевшего в гостиной в покойном кресле с книгой в руках.

– Вам бы только на часики нажимать! – сказала Вера Андреевна. Шахматные фигуры, конечно, она отличала одну от другой, но как они ходят и, главное, ради чего им стараться, не представляла.

– На часики нажимать не обязательно, они сами идут! – сказал Яков Израилевич. – Сами оттикают каждому, сколько положено. Мне, например, мое время они уже оттикали, и в результате, что от меня осталось? Одна оболочка. Чур, первого я брею Пашу! О тебя, Петя, я могу и споткнуться невзначай, а Паша, гордость наша, был, есть и будет мальчик для битья. – Он посмотрел на Павла Петровича, к ним присоединившегося, и добавил: – Несогласные могут остаться при своем мнении, цивилизация человеческая и цивилизация роботов это разрешают.

– Кто кого побреет, мы сейчас посмотрим! – сказал Павел Петрович и начал разыгрывать ферзевый гамбит. Прежде, играя белыми, он так начинал очень редко.

– Ого! Мы в теории себя поднатаскиваем! – удивился Яков Израилевич. – Новые веяния кругом, а я о них узнаю последний. Это называется как? Это называется дискриминация!

– От вас что-нибудь скроешь! – сказал Павел Петрович. Он наседавал на замшелого старца, его позиция ему нравилась. Петр Иванович не болел ни за кого из игроков, просто наблюдал, как развиваются события и одни фигуры теснят другие. Но его присутствие не ограничивалось гостиной. Одновременно он отслеживал и другое, воспроизводя в памяти последние события из Интернета и комментируя некоторые из них. Роботы наращивали свою численность быстрее, чем до объявления их независимости. И их экспансии на далекие планеты Солнечной системы был дан серьезный импульс.

Новые заводы по производству роботов открылись в Антарктиде, на Луне и Марсе. Человек на этих заводах мог присутствовать в любом качестве, и как производственник, и как наблюдатель. Но решающее слово в формировании интеллекта новых роботов уже было не за ним. За пределы Солнечной системы, напротив, экспедиции не планировались, а три из готовившихся ранее были отменены – слишком долго ждать результата. Ракеты последних поколений могли набрать скорость всего в тысячу раз больше той, которая вознесла в космос первого человека Юрия Гагарина, что для межзвездных далей правительство роботов посчитало недостаточным. Ведь при такой скорости экспедиция от ближайшей звезды могла вернуться домой только через 250 лет. Роботы и тут, и там вносили коррективы во взаимоотношения с человеком, исходя из своих интересов, ставя их во главу угла. Но объемы производства нужного людям нигде не сокращались, разве что по желанию самого человека.

Между тем, Якову Израилевичу пришлось совсем туго. «Вот и утверждай, что должность не красит человека! – смеялся Яков Израилевич. – Стоило Паше стать почетным президентом роботов, и он начал деда в шахматы обыгрывать! Когда такое было, кто скажет? Ладно, сдаюсь. Проигравший что делает? Отдыхает и набирается ума-разума. Петя, садись на мое место и сразись с сыном. Паша, может, ты и отца побрешь? С тебя станет!»

– Кто посмеет, тот и побреет! – улыбнулся Павел Петрович. Он быстро ходил и столь же быстро нажимал на часы. Но Петр Иванович отбил его первый наскок, взъерошил свои перышки и сам перешел в наступление, создал проходную пешку и условия для достижения ею заветной восьмой горизонтали. «Молодо-зелено! – возвестил он. – Садись и ты, дед. За мной не заржавеет!»

И все началось сначала: пошел – нажал, нажал – пошел. Против ожидания, дед подловил Петра Ивановича на красивую комбинацию, заставил поднять ручки кверху и освободить место для Павла Петровича. Его он тоже обыграл. Детскую песенку припомнил: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк!» – и стал напевать ее, двигая вперед пешки и фигуры.

– Дед, ты лучше вспомни, сколько разного добра достали роботы со дна морского! – попросил Павел Петрович.

– И сколько жемчуга! – стал вспоминать Яков Израилевич. – Роботу ведь без разницы, десять метров воды над ним, сто или тысяча.

Кислород ему тоже без надобности, и он если погружается, то на срок, назначенный им самим. Ему что воздух вокруг него, что вода, что вакуум полный – одинаково. Роботы прочесывали морское дно во всех направлениях и много чего с него подняли, особенно в Средиземном море, Северной Атлантике, у берегов Индии и Китая. Одного испанского золота было поднято более четырех тысяч тонн.

– И прииски новые не надо открывать! – сказал Петр Иванович.

– Корпуса тысяч судов, потопленных во вторую мировую войну, были тоже подняты и пошли на переплавку. По стоимости это даже превосходило золото.

– Дед, я горю желанием взять реванш! – сказал Павел Петрович.

– Тогда тебе должно очень повезти, потому что задачу перед собой ты поставил совсем не простую.

– Я уже не в том возрасте, чтобы ставить перед собой задачи легкие, для первоклашек. Кстати, как там ваш конкурс? – невинно осведомился он.

– Он в стадии созревания. Ведь Мисс Земля должна будет проявить искреннюю любовь к Антарктиде, – заметил Яков Израилевич.

– Но не к пингвинам! – сказал Петр Иванович. – О, какую я вижу комбинацию!

– Мне подсказывать можно, а Паше нельзя, – сказал Яков Израилевич. – Он и по возрасту, и по служебному своему положению должен соображать лучше меня.

Павел Петрович улыбнулся. Он должен был сказать: «Не будем приbedняться!» Но он не сказал этого. Роботу, ставшему Яковом Израилевичем, весьма часто приходилось приbedняться, сбавлять свои способности до уровня человеческих. Вот и сейчас он прозевал в эндшпиле проходную пешку и вынужден был довольствоваться ничьей с помощью вечного шаха. Ничью, однако, он воспринял как победу, ибо Павел Петрович должен был уступить свое место отцу. И снова вперед пошла белая королевская пешка, а навстречу ей выдвинулась пешка от черного короля. Снова начали завязываться события и накаляться страсти. Снова надо было оказывать на соперника давление игровое и психологическое.

– Яков Израилевич, а ты хотел бы еще раз родиться на свет? – вдруг спросил деда Петр Иванович. – Ну, например, хотел бы стать сыном Павла Петровича и мисс Земли?

– Что ни вопрос, то камень преткновения, – сказал Яков Израилевич и нажал на часы, но хода не сделал.

– А все-таки? Впереди у тебя было бы лет двести пятьдесят – триста!

– А подумать разрешается? – спросил Яков Израилевич и сделал вид, что глубоко задумался над своим очередным ходом. – Мне лучше остаться в своем теперешнем железном естестве. Мне гарантированы те же двести пятьдесят – триста годиков, а то и больше, и не надо будет на горшке сидеть и в школу ходить, ума-разума набираться. При моем теперешнем естестве все мое со мной, и любой новый довесок ко мне прилепится за одну секунду. А тут я должен буду подчиняться человеческой постепенности, расти и черепашьими темпами вбирать в себя одно, второе и третье, иерархиям разным следовать – возрастным, служебным, семейным и всяким прочим. Мне, мои дорогие, хорошо быть в моем естестве, и я его на что-либо другое менять не стану. Не вижу, что бы я в результате этого поимел, чего у меня еще нет.

– Примем как данность, обжалованию не подлежащую! – согласился Петр Иванович. – Так, получается, роботом тебе быть лучше, чем человеком?

– Лучше. Спокойнее. Больше уверенности в себе, меньше переживаний и мелкой суеты. Опять же, ни одна хворь ко мне не прицепится.

– А по большому счету разве ничего не прибавится? – изумился Петр Иванович.

– Почти что нет. Разве что огонь любви обойдет меня стороной, а это может быть очень высокое чувство. Я вас сильно разочаровал?

Глава XXVII

Конкурс «Мисс Земля» замышлялся как феерия, главными действующими лицами которой были два человека: Павел Петрович Талдыкин и будущая победительница блистательного шоу. Закоперщиком и вдохновителем этого грандиозного мероприятия был, как догадывались Петр Иванович и Вера Андреевна, робот Яков Израилевич. Он старался от души, как и должен был стараться любящий человек. Но ему было мало вложить в это деликатное дело всю свою человеческую сущность. Он еще дал импульс, который заставил встрепенуться многих роботов. Роботы впервые проводили такой

конкурс в человеческом сообществе ради самого дорогого для них человека. И они, конечно же, постарались не ударить лицом в грязь. Яков Израилевич расспросами, а более телепатическим воздействием выявил, что заметный след в душе и сердце Павла Петровича оставила только одна девица, легкокрылая и улыбочивая студентка первого курса технического университета Валентина Карпова. Павел, заметивший ее и выделивший, учился тогда на пятом курсе, и его курс в университете был законодателем мод и голова всем общественным начинаниям. Первокурсники смотрели на пятикурсников снизу вверх и никак иначе. Этой субординации было столько лет, сколько лет было самому университету.

Почему Павел не сделал первого шага, который, скорее всего, и определил бы все? Он и тогда был на высоте по всем человеческим показателям. Но он споткнулся о собственную стеснительность. Позже он ее преодолел, но не в университете. Ему нравилось смотреть на Валентину с некоторого расстояния. И ведь было, было на что смотреть, было от чего восторгнуться и прийти в великое смущение. Далее этого, однако, дело не продвинулось, началась преддипломная практика, необыкновенно увлекательная, а там и дипломная работа. Было много поездок и море впечатлений, совершенно новых. Потом работа подхватила его и понесла: то, во что он окунулся, было интересно необыкновенно. Он помнил Валентину, но память эта, положительная во всех отношениях, почему-то не толкнула его на действия быстрые и решительные.

Яков Израилевич, конечно же, быстро выявил, как эта девица поживает сейчас и в каких эмпириях пребывает – чем увлекается, какой температуры ветерок гуляет в ее очаровательной головке. За годы учебы Валентина Карпова прибавила во всем, а особенно в красоте и стати. Жила она с родителями и двумя младшими братьями на северной окраине Ташкента, была любимицей общей. Училась ровно и хорошо, характер у нее был напористый, цепкий. Поставив перед собой цель, она сама находила, а то и выстраивала пути для ее достижения. Увлечения у нее были, но какие-то мимолетные, ни во что серьезное не выливавшиеся. Что-то разлаживалось, ее герой вдруг почему-то сильно терял в росте, и она плотно сжимала губы и переставала его замечать. Эти коллизии как нельзя лучше отвечали планам Якова Израилевича. Валентина Карпова должна была принять

участие в конкурсе «Мисс Земля» и должна была сама, без видимого толчка извне, проявить инициативу.

Было сделано кое-что, чтобы прояснить память Валентины Карповой. Вокруг технического университета развернулся помпезный сыр-бор: здесь учился почетный президент роботов Павел Петрович Талдыкин! Университету надо присвоить его имя! Раз надо – присвоили, за этим дело не стало. За один день присвоили и торжественное собрание по этому поводу провели. Карповой, как одной из лучших студенток и общественнице, доклад поручили сделать; в исходных материалах, естественно, недостатка у нее не было. Доклад всем понравился, а в сердце Валентины Карповой образ Павла Талдыкина закрепился прочно. Портрет Павла Петровича на мраморной доске был повешен при входе в университет, сопровождаемый соответствующей надписью. И то ли догадалась Валентина, что четыре года назад Павел Петрович положил на нее глаз, то ли подсказали ей про это ненавязчиво и ненароком, но она посмотрела на мраморный барельеф, сопоставила увиденное с теми материалами, по которым готовила свой доклад, и какие-то ассоциации пришли к ней и ее взволновали.

Объявление о конкурсе «Мисс Земля» вывесили в фойе университета – а она тут при чем? Но ей дали понять, что жюри конкурса будет радо ее участию в нем. Более того, она получила персональное приглашение. Решения она принимала быстро и потом не отменяла. После ее «да» и было объявлено о конкурсе по Интернету и мировым телевизионным каналам. Вся интрига конкурса заключалась в том, что его победительница не только получала титул «Мисс Земля», но и становилась невестой почетного президента роботов. Становилась фигурой заметной буквально отовсюду.

Конкурс проводился в Париже. Увидеть этот город было заветной мечтой Валентины. Четыре часа полета, и она в Париже, в прекрасном отеле, среди девиц, которые тоже хотят стать «Мисс Земля», но еще не знают, что им уготована роль массовки. У нее почему-то номер люкс, и она в центре горячего журналистского внимания. Никто, конечно, не осведомлен, что когда-то Павлу Петровичу Талдыкину было приятно на нее смотреть. Но об этом не трудно догадаться, ведь они учились в одном университете. И ни одна из незамужних однокурсниц Павла Петровича не стала участницей конкурса, а Валентина Карпова – стала. Какие только девицы не

слетелись в этот славный город! Европа, Америка, Китай, Япония, Индия отправили в Париж своих самых красивых дочерей. Конкурс, конкурс!

– Паша, пора и тебе в Париж! – сказала Вера Андреевна сыну за пять дней до начала конкурса.

– Без вас я никуда, – ответил он родителям. – Но я пока не выездной, я ссыльный.

– А народ так не считает! – сказал Яков Израилевич. – Мы надавим на Организацию Объединенных Наций, чтобы она негативное свое отношение к Павлу Петровичу Талдыкину заменила на... ну, хотя бы, на нейтральное!

Роботы действовали быстро и решительно, и на другой день все санкции против Павла Петровича были отменены. Талдыкины полетели в Париж. Никто из них еще не был в Париже. И прилет их не афишировался, был сохранен в тайне по просьбе Талдыкиных. Но Павлу Петровичу дали посмотреть на Валентину Карпову в одной из картинных галерей Лувра. До этого ему многократно демонстрировали ее на экране, и он почувствовал разницу. У него гулко забилося сердце. Ему было не важно, что он ей скажет и что ответит она. Главное было услышать ее голос, уловить в нем ноту встречного порыва. Он встрепенулся, ему захотелось подойти, заговорить, но стоявший рядом Яков Израилевич жестом руки остановил его: по сценарию конкурса ему полагалось увести победительницу со сцены. А до этого ему лучше было держаться в стороне.

Вечерами Яков Израилевич приглашал Павла Петровича посмотреть участниц конкурса. Экран показывал их в разных выигрышных подробностях: а вдруг? Но неожиданного ничего не происходило, Павлу Петровичу по-прежнему нравилось смотреть на Валентину Карпову, прочие же прелестницы в его воображении не прорастали. А Якову Израилевичу нравилось постоянство Павла Петровича. Валентина, так Валентина! Стоило ли в таком случае огород городить? А почему бы и нет? Народ обожает шоу, а конкурс красоты – редкая и весьма импозантная его разновидность.

Каждая участница конкурса представила о себе небольшой фильм. На итоговый просмотр из пятисот фильмов были отобраны десять. Зал, где подводились итоги, вмещал шесть тысяч зрителей. И столько же человек пришло посмотреть это прелюбопытное шоу. На девяносто процентов это были молодые люди, желавшие познакомиться поближе

с участницами конкурса. Парад женихов выглядел еще более внушительно, чем парад невест. Зал (его окутывал волнующий полумрак) казался необъятным, его галерки не просматривались. Фильмы, не прошедшие на итоговый смотр, расходились по рукам молодых людей со сказочной быстротой и в сотнях экземпляров. Молодые люди отлично понимали, что выбор жюри и их выбор – это две большие разницы; у каждого из них перед глазами был свой пьедестал, и он пока пустовал.

И вот началась прокрутка фильмов. Все претендентки были не просто хороши, а очень хороши: каждая из них могла олицетворять собой женское начало в природе, каждая была достойна пьедестала.

Фильм первый посвящался французенке, художественной гимнастке с именем, при произнесении которого замирали тысячи мужских сердец — чемпионка мира! Всем брала эта девочка: и статью, от которой глаз не отвести, и выразительностью движений и поз, и характером цельным и сильным. Шла вперед стремительно, назад не оглядывалась, но и не задавалась, походя под себя никого не подминала и не отшвыривала.

Фильм второй был о китаянке, балерине, которой горячо аплодировала избалованная публика Москвы и Мадрида, Токио и Шанхая, Лос-Анджелеса и Мехико. Это была еще одна мировая знаменитость. Но что она, несчастная, видела за свою короткую и на девяносто процентов трудовую жизнь? Одни тренировочные залы и сцены, и голоса наставников не умолкали никогда. Аплодисменты ее уже не трогали, они были естественной средой ее обитания.

Фильм третий был посвящен американке, бегунье на короткие дистанции, быстрой, как горная лань. Вне стадиона, однако, для нее начинался мир незнакомый и диковинный, не ее мир, ибо она все свои дни проводила на стадионе. Она была очень хороша, когда, предельно выкладываясь, первой касалась грудью финишной шелковой ленты. У нее и при обычной походке грудь несколько устремлялась вперед, словно и тут было важно выиграть хотя бы один сантиметр. Сны ей снились о ее возвращении в нормальную жизнь, в которой на стадионе она была бы зритель, но не главное действующее лицо. Эти сны ей очень нравились, но они почему-то не сбывались.

Фильм четвертый был о россиянке, юной поэтессе. О мире ее образов, в котором кому-то было очень даже комфортно, а кому-то – нет. Мир этот она создавала не для себя и сама надолго в нем не

оставалась – что-то начинало тяготить ее в нем и выталкивать на свободу.

Фильм пятый был о немке, девушке совершенно обычной, ничем не знаменитой и звезд с неба не хватающей, более того, не ставящей перед собой такой задачи. Она была как абсолютное большинство людей и хотела самого обыкновенного – чтобы у нее была хорошая семья, хорошие дети. Училась она неплохо, но не блестяще, любила петь и танцевать, обожала путешествовать, но лучше всего ей становилось от тепла домашнего очага. Этот фильм Павел Петрович просмотрел с интересом и имя девушки запомнил – Мариам Рислинг. И лицо ее запомнил, в нем ничего не было ни от Моны Лизы, ни от герцогини Альбы.

Фильм шестой был о полячке, отличнице и воображале; она легко верховодила в своем доме и в своем классе. Ей нравилось повелевать, нравилась очередь из мальчиков, выстраивающаяся под ее окном. Павел Петрович отметил про себя, что такая девица для него не в новость.

Фильм седьмой был еще об одной немке, которая любила готовить. Боже мой, чего только она не умела! И салаты получались у нее умопомрачительно красивые и вкусные, и рыба, и мясо. А какие пироги она выпекала, какие чебуреки! Какие торты! У нее было чутье, какой продукт с каким совместим и в каком количестве. И на температуру у нее было поразительное чутье. Все тепловые процессы она точно воспроизводила в своем уме, и потому, назначая температуру в духовом шкафу, не ошибалась ни на градус. Эта девица тоже понравилась Павлу Петровичу, и он запомнил, что зовут ее Анна Шварц.

Фильм восьмой был о молодой певице, еврейке по национальности. Она брала и голосом своим, красивым и сильным, и добротой изначальной, делающей душу человека чистой и цельной. Доброта певицы запомнилась Павлу Петровичу почему-то больше, чем ее голос.

Фильм девятый был об индианке, девушке-красавице, которая училась на врача, и в семье которой все были врачи вплоть до пятого колена. Она старалась, и у нее получалось. А кроме того она любила горы, побывала в Гималаях и Гиндукуше, мечтала побывать на Памире и Кавказе. Горные тропы и ночи у костра вдохновляли ее на мысли о высоком.

А фильм десятый был о девушке, о которой Павел Петрович знал намного больше, чем обо всех других претендентках на почетный

титул, взятых вместе. Ведь ему было сообщено и то о ней, чего он не знал прежде. Вот Валентина Карпова дома, в родной среде, все вокруг чинно и благонаравно, привычки и увлечения родителей нареканий не вызывают. Отец увлекался греблей, и байдарка слушалась его, как хорошо выдрессированная собака. Еще он коллекционировал марки. Мать любила шить, и все наряды, ее и дочери, были сотворены ею и на ее швейной машинке, которой она управляла только вручную. Вот Валентина Карпова в университетских аудиториях. Здесь она – само внимание и само прилежание. Вот она на озере, входит в воду и блаженно улыбается. Если прежде Павел Петрович смотрел на нее слегка привстав, то теперь ему пришлось напрячься и проследить за собой, не позволить эмоциям перегреться и выплеснуться наружу. Сказать, что тут было на что посмотреть, значило не сказать почти ничего. Тут было с чего не сводить глаз! В воду входило совершенное женское естество. Прославленная мастер спорта по художественной гимнастике, знаменитая балерина и обожаемая молодежью певица могли отдыхать, как и замечательная легкоатлетка, и прочие, прочие, прочие. Ни к чему, что было телом Валентины Карповой, нельзя было что-либо прибавить, и ни от чего нельзя было что-нибудь убавить. Соразмерность пропорций и их исполнение были идеальные. И выработала, взрастила эту соразмерность сама мать-природа при самой незначительной помощи спортивного зала и бассейна.

Вдруг Валентина села за фортепиано, и полилась музыка, сближающая души. «Якобсон!» – Павел Петрович узнал великого композитора, все еще продолжавшего творить. Перестав играть, Валентина склонилась над книгой. Крупным планом были показаны страницы. Начав читать один абзац, Павел Петрович понял, что перед девушкой нетленная вещь – роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Совпадение вкусов ему понравилось. Финальные сцены были посвящены вечернему чаепитию, процедуре чисто семейной, без выяснения чего-либо интересного и необычного, ведь ничего такого и не произошло. Были произнесены самые банальные слова, которые говорятся в тысячах благополучных семей, Валентина Карпова пожелала родителям и братьям спокойной ночи и пошла в свою спальню.

В зале зажегся свет, подчеркнув великолепия его отделки. Десять претендентов степенно поднялись со своих кресел, поклонились публике с чувством собственного достоинства и остались стоять,

ожидая, кого же из них выхватит луч прожектора. Жюри удалилось обменяться мнениями и вынести решение. Отсутствовало оно не более пяти минут. Оно и удалялось потому, что ему полагалось провести итоговое совещание не на сцене, не при свете ramпы. И вот оно возвратилось и заняло стол президиума. Яков Израилевич как председательствующий вышел на авансцену и голосом торжественным, не требующим, чтобы его усиливал микрофон, провозгласил:

– Титул «Мисс Земля» присужден... – пауза тут полагалась по регламенту, и он выдержал ее полностью, даже несколько затянул, – Валентине Карповой!

Зал встал, аплодисментам не было конца. Павел Петрович подчеркнуто строевым шагом подошел к победительнице, взял ее ладонь в свои руки, высоко поднял и долго обозревал зал с торжественностью необыкновенной. Оба светились от яркого света, который был на них направлен сверху и с боков, обоим было хорошо, как только бывает при исполнении желаний, загаданных давно. Только вот куда им было теперь идти, кто знает? Они, наверное, знали. В человеческой гуще, какой теперь был огромный зал, и в море аплодисментов им оставаться совсем не хотелось.

Конец.